

ПАВЕЛ ГУШИНЕЦ

МЫСЛИ ИЗ-ПОД ФУРАЖКИ

Павел Владимирович Гушинец

Мысли из-под фуражки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57192051

*Мысли из-под фуражки / Павел Гушинец; Издательство «Четыре четверти»; Минск; 2020
ISBN 978-985-581-280-8*

Аннотация

Медицина и армия – это немного грустно, медицина и армия – это иногда смешно, медицина и армия – это нередко страшно. Рассказы о медицине и армии – это всегда интересно. В книгу включён рассказ Дениса Фалевича «Призыв».

Содержание

Истории в погонах	6
Уклонист	6
Приключения «косаря»	12
Кузница кадров	19
Клуб любителей животных	24
День рождения старшего лейтенанта	28
Похождения одного прапорщика	35
Необычные истории про взятки	41
Байки армейского микробиолога	46
Несчастные случаи	56
Записки «пиджака»	61
Осада	76
Традиции	82
Неудачный день соседа	86
Ручки, блокноты и другие лекарства	91
Аптечные истории	91
В очередь!	95
Жертва рекламы	97
Когда религия – опиум	98
Сетевой маркетинг	105
Добро пожаловать	111
О бедном медпреде замолвите слово...	113
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Павел Гушинец

Мысли из-под фуражки

Сборник рассказов

© Гушинец П., 2020

© Фалевич Д., 2020

© Бука Н., обложка, 2020

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”»,
2020

Автор выражает благодарность своей супруге Юлии Линейцевой (а-а-а, кто говорил, что второй сборник не получится?), художнику-иллюстратору и детской писательнице Надежде Буке, опытному преподавателю и самой замечательной маме Татьяне Куксёнок, заведующему отделением госпитальной эпидемиологии Елене Евгеньевне Прокопович, моим критикам и консультантам: блестящему врачу-нейрохирургу Валерию Василёнку, врачу-паразитологу Екатерине Бондарь, врачу-гигиенисту Дмитрию Бондарю, врачам-рентгенологам Александру Кротову, Сергею Баранову, врачу-педиатру Юлии Руденко, врачу-офтальмологу Ольге Наишутинской, врачу-терапевту Александру Наишутинскому, врачу-

терапевту Марине Царенок, заведующему отделением скорой помощи Андрею Китаеву, фармацевту Алёне Фалевич, старшей медсестре Елене Давыдёнко, майору ВС РБ Вадиму Лобану, капитану Николаю Люеву, капитану м/с Максиму Сосновскому, майору м/с Владимиру Белянко, сайту Рikabi.ru и всем моим 22 тысячам подписчиков, а в особенности: Анне Ракутиной, Александру Наумовичу, Евгению Янковичу, Павлу Григоренко, Михаилу Цветкову, Игорю Матушкину, Сергею Ганжикову, Антону Храпунову, Александру Каськову, Ивану Моторину, Алексею Сырых, будущему светиле медицины Михаилу Гришко, Никите Чернявскому, Павлу Захарову, Дмитрию Бушуеву, Марату Фаррахову, Марии Исламовой, Максиму Циганивскому, Максиму Платову.

Истории в погонах

Уклонист

Эта история произошла с одним из моих коллег, военных медиков. И если бы действо ни разворачивалось практически на моих глазах, я бы, скорее всего, в неё не поверил.

В юности один молодой человек, назовём его Саша, очень не хотел служить в армии. Он жил в небольшом районном городке и искренне считал, что служба – это потеря двух лет жизни, за которые он многое успеет. Пробовал косить – не получилось: здоров как лось, пробовал найти продажного военкома – тоже как-то не срослось: то ли денег не было, то ли военкомы честные. Тогда Саша решил учиться. И обязательно в университете с военной кафедрой. В столичный медицинский он с первого раза не поступил, хоть и очень старался. Не хватило баллов.

Попробовал уговорить военкома: мол, дайте отсрочку всего один год, я хочу на подготовительное отделение.

– Подготовительное отделение – это не причина для отсрочки! – отрезал военком.

– Мне очень надо, – ныл Саша.

– А у меня план по призыву горит!

И не дал. Кроме того, пригрозил:

– Будешь выпендриваться – я тебя в самые гнилые войска пошлю! Ты у меня из болота всю службу не вылезешь!

Саша бросился подавать документы в медучилище своего райцентра – куда там, все сроки давно прошли.

А тут и повестка в военкомат подоспела. Саша перечитал её с кислой физиономией и решил бежать. Бежал он не просто так. Саша уехал в столицу, подал документы на подготовительное отделение медицинского и стал прятаться.

Целый год Саша скитался по съёмным комнатам и случайным знакомым, потому что, для того чтобы заселиться в общежитие, необходимо было стать на учёт в местном военкомате. Вздрагивал при виде людей в форме и раз в месяц робко звонил домой. Мобильников тогда не было. Поэтому звонил из телефонов-автоматов и отделений почты. Чтоб не вычислили.

К слову, родители тоже были целиком на Сашиной стороне. Собрали вещи и сляли с места прописки на другую квартиру. Поэтому всю бурю возмущения военкома принял на себя сосед Миша.

Про соседа Мишу надо рассказать отдельно. Это был, что называется, свой человек и врождённый тролль. В своё время он отслужил в стройбате и возможности поприкалываться над офицером-военкомом не упустил.

В очередной раз Саша звонит соседу.

– Ну, как там обстановка?

– Не приезжай, – резко отвечает сосед.

– Почему? – пролепетал Саша.

– Сплю я как белый человек. Полпервого ночи, между прочим. А тут звонок в дверь! Открываю. Стоит твой военком с каким-то ментом. Мол, Александр Убегайло по соседству проживает? Проживает, говорю. Как давно вы его видели? Полгода не видел. Уехал куда-то. Они давай к тебе в двери ломиться. А там никого нет. Твои тоже не живут, а ваши кактусы, которые я поливаю, вряд ли смогут дверь открыть. Короче, военком мне бумажку протягивает. Подпишите, что мы приходили. Я ему: не буду подписывать, я уже служил, опять в армию не пойду. Военком: это не повестка, это ваше обещание, что в случае, если этот Убегайло появится, вы мне позвоните. С превеликим удовольствием, говорю. Мне этот Саша сразу не понравился. Бледный он какой-то, худой. Наркоман, наверное. И тапочки из общего коридора пропадали всё время. Военком ушёл, а я разнервничался что-то, вышел на балкон покурить. Смотрю: под балконом ещё две тёмные тени дежурят. Это тебя ловили, если ты вдруг со второго этажа прыгать станешь. Так что не приезжай.

Саша так испугался, что вгрызся в учёбу, как мангуст в шею кобры. И на вступительных экзаменах получил только высшие оценки. Поступил, короче.

Приезжает со справкой из университета в родной город. На дрожащих ногах идёт в военкомат. Так, мол, и так, поступил, вот бумажка. Его сразу – к военкому.

– Убегайло, мать твою! Ты где год шлялся?!

– Товарищ майор, – плачущим голосом поет Саша. – Я учился. Вот, поступил.

Последовала тирада из непечатных выражений, которые нельзя использовать в литературных произведениях.

– Мы твоё дело собирались в прокуратуру передавать. Да тебя посадят, суши сухари.

Поорал, поорал, вlepил какой-то астрономический штраф, но Саша был очень рад, что его не посадили.

В процессе учёбы в медуниверситете Саша вдруг проникся армейской идеей. И к последнему курсу начал искать возможности попасть на службу в качестве военного врача. В Военно-медицинском управлении не стали препятствовать порыву юного патриота. После выпуска вручили Саше офицерские погоны, переправили в документах «лейтенант запаса» на «лейтенант медицинской службы» и отправили в часть.

Служит Саша уже почти год, никого не трогает. Старшего лейтенанта получил, между прочим. Бойцов зелёной мазет и анальгином от всего лечит. Командиром у него был известный на всю Беларусь полковник Семёнов. Товарищ грозный, орущий и имеющий огромные связи в мире военной медицины и в армии страны вообще.

А тут звонит старшему лейтенанту Убегайло мама. Уже по мобильному: прогресс далеко шагнул.

– Сашенька, ты будешь смеяться.

– Я последнее время даже в цирке не смеюсь, – грозным

офицерским голосом отвечает военврач.

– Тебе повестка пришла.

– Какая повестка?

– В военкомат. Хотят тебя в армию забрать.

Оказалось, что военком из Сашиного города ошибся на год с выпуском. И, посчитав, что уклонисту Убегайло до 27 лет ещё целый год, решил напомнить ему о долге перед Родиной. Заодно и позлорадствовать. Почему до военкома не дошло, где нынче обитает Саша, – это только бардак в документообороте Вооружённых Сил объяснить может.

Саша идёт к командиру.

– Товарищ полковник, разрешите два дня увольнительной, а то меня в армию забирают.

– Убегайло, ты что, debil? – удивляется полковник. – А ты сейчас, по-твоему, где находишься?

– Ничего не знаю – мне повестка.

– Так, – говорит полковник. – Даю тебе два дня, чтобы с этой ерундой разобраться. Если что – звони.

Саша к процессу подошёл творчески. Нацепил парадную форму, все значки-регалии на грудь и сияющий, как министр обороны США, приехал в военкомат своего родного райцентра. Идёт по коридорам и призывников пугает. Они думают, что это за ними приехали.

Вот и кабинет военкома. Саша стучится, чеканным шагом заходит в кабинет:

– Товарищ подполковник, старший лейтенант Убегайло

для прохождения срочной службы явился!

И повестку военкому на стол – хрясь!

Военком смотрит на старлея, на повестку, снова на старлея, на повестку. На шеврон части, снова на повестку. Бледнея, понимает, что он действующего старшего лейтенанта в солдаты призвать хотел. Да ещё из ведомства страшного полковника.

– Ты Семёнову уже сказал?

– А как бы я, по-вашему, сюда приехал? Полковник Семёнов мне увольнительную подписывал.

– Твою мать! – хватается за голову военком.

– Давайте так, – предлагает Саша. – Вы мне всё подписываете – и я поехал. Я вас не видел, и вы меня не видели.

Так Саша и не послужил солдатом. Зато когда я увольнялся из армии, он, будучи целым капитаном, обзывал меня дезертиром. Будем считать, что этим рассказом я ему отомстил.

Приключения «косаря»

Слышали пословицу «Солдата куда ни целуй, у него везде... э-э-э, не лицо, короче»? Да простят меня адекватные солдаты, но в первый год своей службы замначальника санэпидлаборатории при воинской части я убедился в истинности данной пословицы. А всё из-за рядового Иванова.

В мои обязанности как военного врача эпидемиолога-паразитолога-гигиениста-микробиолога входило проведение анализов при подозрении на кишечную инфекцию у бойцов. Из-за особенностей микробиологического анализа результаты я иногда выдавал уже после того, как бойца пролечивали антибиотиками широкого профиля и отправляли обратно в часть. Экспресс-анализов у меня в лаборатории не водилось. Точнее, наборы были. Ровно два. Но стояли они в холодильнике, под строгим замком и моей личной ответственностью. Я их принял, заступая на службу, и, увольняясь, сдал.

Но это я отвлёкся.

Иду как-то осенним утром на службу, а на ступеньках лаборатории в скрюченной позе меня поджидает боец.

– Что случилось? – жизнерадостно спрашиваю я.

– Доктор, диза-а-а, – солдат на моих глазах подаёт признаки клинической смерти, изображает судороги и пускает пену изо рта. Ну ладно, с пеной я преувеличил.

– Заходи в лабораторию. Сейчас придёт Людмила Сергеевна, наш средний медицинский сотрудник, возьмёт у тебя мазок, и посмотрим, что за диза.

Боец возвращается с того конца светлого тоннеля только для того, чтобы на четвереньках заползти в предбанник лаборатории.

«Блин, может, аппендицит какой?» – думаю я. Уж очень натурально корчится.

Усаживаю солдата на стул, звоню в медпункт.

– Саша, сэлка беспокоит. Тут от тебя боец Иванов приполз. Подозрение на кишечную инфекцию. Ты его внимательно смотрел?

Интеллигентный старший лейтенант медицинской службы Александр разрожается длинной матерной тирадой. По его словам, рядовой – тот ещё Чарли Чаплин. Обращается в медпункт пятый раз за последние два месяца. Косил на ОРЗ, гипертонию, холецистит, аппендицит, теперь кишечную инфекцию осваивает.

– Но ты его внимательно смотрел? – уточняю я.

– Да я его, б..., куда только ни смотрел! – Саша бросает трубку.

Ну ладно. Осторожно выглядываю в предбанник, где сидит рядовой Иванов. Боец расслабился. Не наблюдая вокруг медицинского и офицерского состава, сидит с блаженной улыбкой и в носу ковыряется.

– Хм-м, – громко говорю я.

Иванов тут же скрючивается в классической позе страдальца, из его горла вырывается стон умирающего.

– Доктор, спасите!

– Тут тебе не реанимация, а микробиологическая лаборатория. Анализ тебя не спасёт, – грозно говорю я. – И вообще, хватит притворяться. Мне твой начмедпункта всё рассказал.

Иванов тут же меняет тактику. Начинает хныкать, в уголках глаз появляются искренние слёзы.

– Доктор, тут такое дело.

И открывает мне душу. Мол, слаб он здоровьем и не силен в кулачных боях, за что чмырят его товарищи по казарме и недолюбливает сержант. И кушать ему всё время хочется, и спать не дают, и матом вокруг ругаются. А душа у Иванова нежная, философская. Писал он в школе стихи, любил девушку, а прямо перед призывом она его бросила. И учился бы сейчас на поэта-песенника, если бы баллов в институт культуры добрал.

Я не знаю, почему Иванова не взяли в кулёк. Я бы его после такого выступления сразу в Щукинское без экзаменов. Как Немирович-Данченко, я сказал: «Верю!»

Эх, погубит меня моя доброта! Через двадцать минут Иванов с довольной мордой сидел в моём кабинете на диване, трескал бутерброды, которые жена сделала мне на обед, и с сёрбаньем прихлёбывал кофе.

Пришла лаборантка, с удивлением посмотрела на борзеющего солдата.

– Всё в порядке, Людмила Сергеевна. Он посидит немного, отдохнёт и в медпункт пойдёт.

– Ну-ну, – лаборантка, жена боевого полковника, помогавшая за ним по гарнизонам Средней Азии и Кавказа, смерила Иванова грозным взглядом, от которого он поперхнулся бутербродом. – Смотрите тут у меня!

Иванов бутерброды доел, кофе выпил и принялся болтать. Оказалось, что мы с ним из одного райцентра. Пошли воспоминания о детстве: а в какую школу ходил, а ты Ваську Косого из третьего дома знаешь? Короче, через пять минут я не знал, как Иванова выгнать.

Благо пришла лаборантка и забрала солдата на анализы. А потом пинком выгнала его вон.

Стоит ли говорить, что с анализами всё было в порядке и никакой кишечной инфекции близко не обнаружилось.

Дня через три я снова обнаружил бречное тело Иванова на ступеньках лаборатории.

– Привет, доктор! – панибратски приобнял меня солдат. – У меня к тебе дело есть.

«Однако, уже на ты перешли», – подумал я.

– Надо мне пару дней в госпитале поваляться. Сделаешь? А то у нас марш-бросок в среду, а мне очень бежать не хочется. Нога болит, – и солдат вполне правдоподобно потёр «больную» ногу. И поморщился.

– Иванов, ты не оборзел?

– Ну земляк, ну по-соседски.

– Иванов! А ну марш в часть!

– Чего ты? Я же не за просто так, – обиделся боец.

– Или ты сейчас исчезнешь, или у тебя будут проблемы.

– Бегу, бегу, – Иванов затопал сапогами и исчез из моей жизни.

На семь дней.

В понедельник он снова сидел на ступеньках лаборатории, курил и клянчил у меня плохие анализы, справку о смертельной болезни, просил помочь комиссоваться.

Как-то по глупости я проболтался про общих знакомых, и Иванов взялся за меня с удвоенной силой. Через этих знакомых он узнал мой телефон. Мне звонила его мама. Даже, твою дивизию, бабушка! Я крутился как уж на сковородке. Пару раз натравил на него Людмилу Сергеевну, один раз чуть ли не пинками гнал до казармы. Следовало, конечно, пожаловаться на него непосредственному командиру, но мне было почему-то жаль этого раздолбая.

Дошло до того, что, завидев на ступеньках лаборатории знакомую фигуру, я резко менял маршрут следования и уходил в медроту или столовую.

И однажды моё терпение лопнуло. В это утро Иванов особенно долго и занудно выпрашивал у меня справку. Я стиснул зубы, взял его за шиворот, несмотря на жалобы и мольбы, отволол в казарму и сдал на руки сержанту.

– Сержант, если рядовой Иванов без видимой причины ещё раз появится в микробиологической лаборатории, я бу-

ду вынужден принять меры. Почему ваш боец болтается по части без дела?

– Понял, товарищ старший лейтенант.

– А раз понял – выполняйте.

И я ушёл. Чувствуя спиной отчаянный взгляд Иванова. И страдая душой, как будто сына в гладиаторы продал. Больше я Иванова в армии не видел.

Прошло почти полгода, и как-то приехал я на малую родину к матери. Иду с автобусной остановки, темно, редкие фонари выхватывают из сумрака пустынную улицу и одинаковые подъезды советской архитектуры. И вдруг слышу до боли знакомый голос:

– Да вы, пацанва, жизни не нюхали. Вот, помню, пригнали нас на полигон, с парашютом прыгать.

Етить-колотить, Иванов!

Останавливаюсь и вижу прекрасную картину. На скамейке возле подъезда с бутылкой пива в руке и в окружении стайки подростков сидит «косарь» Иванов и вещает. А подростки и уши развесили.

– Да что тут говорить, служба для мужика – самое главное. Сигарету мне!

Иванову с почётом подносят сразу несколько пачек. Бывший солдат неторопливо выбирает что получше, закуривает. И продолжает:

– А здоровье надо в армии – ого-го. Приходится и в лесу на снегу спать, и по несколько часов на полигоне под ветром

и дождём стоять.

Я не выдержал.

– Иванов, а ты откуда про всё это знаешь? Ты же всю службу по госпиталям и медпунктам отвалился?

Иванов в панике вскакивает. Скамейка под фонарём, я в тени, а значит, для него откуда-то из темноты доносится раз-облачающий офицерский голос.

– Товарищ лейтенант?

– Товарищ старший лейтенант, – я подхожу к скамейке. – Не позорился бы ты, боец.

– А я чего, я вот пацанам про армию рассказываю. Чтобы они готовы были. Ведь всё верно рассказываю, да, товарищ старший лейтенант? – и подмигивает мне обоими глазами.

Я махнул рукой и пошёл дальше. Таких уже не исправишь.

Кузница кадров

Эта история случилась потому, что система военно-медицинского образования в Беларуси не совершенна, а бюрократия и «волосатые лапы» остались в стране наследием ещё советских времён.

Для того, чтобы получить большую часть узких специализаций, а с ними перспективы на погоны высшего командного состава, белорусским военврачам приходится на пару лет поступать либо в Военно-медицинскую академию в Петербурге, либо по договору с медиками бундесвера ехать в Германию. Немецкий вариант моим бывшим коллегам нравится больше, поэтому битва за места идёт нешуточная. Бонус к специализации, кроме погон, – место в столичном госпитале и все прилагающиеся к нему плюшки.

Мой друг Володя закончил военно-медицинский факультет хирургом и был направлен в медроту большой военной части республиканского значения. В медроту Володя заскучал, потому что работы ему там было совсем мало. За год службы случился в его ведомстве один несчастный завалящий аппендицит, да и тот из-под носа в госпиталь увезли. А так – вросшие ногти, вскрытые абсцессы, вот, собственно, и вся хирургия. И много-много писанины.

От такой жизни Володя, мечтавший о славе Пирогова, вскоре полез на стенку. А потом, одумавшись, стал вострить

лыжи в Германию на учёбу. Парень был настойчивый, пробивной, короче, получилось у него. И вскоре мы все узнали, что Володя едет на два года учиться куда-то под Франкфурт. А после учёбы заступает на должность хирурга в столичном госпитале. Ему и место придержат.

Отметили это дело, позавидовали, пожелали доброго пути. И тут выясняется любопытный факт: обычно перед тем, как отправлять офицера на учёбу, с ним заключали свежий пятилетний контракт. Мол, вернётся, должен будет либо отработать, либо оплатить своё обучение. А тут казус: Володе по старому контракту ещё 2,5 года служить. Вроде как, успеет вернуться до окончания. Не знаю, о чём думали чиновники из управления, наверное, ни о чём, потому что поехал Володя в чужеземный вуз без контракта.

Проходит два года. Володя шлёт мне по Интернету фотки с огромными пивными кружками и мордатými офицерами предполагаемого противника. Тем временем супруга его заканчивает наш университет и начинает практиковать.

Приезжает Володя на родину. Готовый микрохирург с десятком операций за плечами. Приходит весь такой радостный к начальству, а там руками разводят:

– Извини, дорогой. Но в данный момент на твою специализацию нет места.

– Как это нет? – удивляется Володя. – Я когда уезжал – было. Куда же делось? Я два года учился, руки наработывал. Вот список проведённых операций. Я хоть сейчас за опера-

ционный стол.

– Понимаем, – начальники закатывают глаза к потолку. – Очень нужные навыки ты приобрёл. Только места всё равно нет.

– Да куда же оно делось?

– Было место, – не спорят начальники. – Но понадобилось нам одного офицера в столицу перевести. А у него дядя – генерал. Вот и поставили на твоё место.

– Как же он оперирует? Он же не умеет!

– А он и не оперирует. Зачем ему такая ответственность?

– А как же я? – растерялся Володя.

– А ты побудь пока начальником медпункта. Вот тут, недалеко от Минска, километров сто, есть часть. Туда позарез начмедпункта требуется. Через пару лет товарищ на повышение пойдёт, место освободится, мы тебя и переведём.

– За пару лет я все навыки растеряю. А начмедпункта – это вообще терапевт!

– Ничем помочь не можем, – разводят руками начальники.

Володя голову опустил и в часть поехал. Посмотрел на протекающую крышу медпункта, на кипу пожелтевших журналов, которые ему предстояло заполнять, и душа его обратилась на тёмную сторону.

Тут, как назло, приходит ему из Германии сообщение:

«Герр Вольдемар, пишет Вам Ваш преподаватель герр Рейзеншнауцер. Вы забыли кое-какие учебные материалы,

которые я Вам высылаю по Интернету».

Володя востепенел и написал в ответ:

«Герр Рейзеншнауцер, если так случится, что я приеду к Вам обратно, не поможете ли Вы мне с работой?»

Немец отвечает:

«Герр Вольдемар, Вы в своём уме, такие вопросы задавать? Мы Вас два года учили, диплом дали, за вашими успехами следили. Конечно, помогу, у нас тут хорошие специалисты, обученные на халяву, всегда нужны».

Володя повеселел. А тут и конец его контракта подоспел. И совершил военврач жуткое предательство. Не стал он новый пятилетний контракт подписывать. Что тут началось! Крику было на всю армию! Володю имели во всех кабинетах управления, но он не сдавался, как последний партизан. Начальники, которые Володю в Германию отправляли без подписанного контракта, за головы схватились. За такой косяк можно и звёздочек недосчитаться. Давай действовать методом кнута и пряника. Нашли ему и место в столице, и квартиру служебную. Но Володя стоит на своём, потому что отлично понимает, что после такого казуса ему путь один – подалее от родной армии. Ибо сожрут!

Так и уехал. И жену забрал.

Работает нынче Володя в небольшом городке недалеко от Франкфурта. Оперирует местных бюргеров, выплачивает кредит за дом и растит первенца. О своей военной карьере вспоминает только 9 мая и 23 февраля. Тогда Володя наде-

вает парадную форму, выпивает стакан водки и с тоской понимает, что в городе — немцы.

Клуб любителей животных

Если солдат боится, что его накажут за травму или болезнь, – он и отрыв конечности скроет.

Майор медицинской службы В. Белый

Как-то в конце зимы в медпункт воинской части приходит солдат и сует под нос хирургу перебинтованную руку.

– Порезался? – спрашивает врач.

– Да не-е-е, – мнётся солдат.

– Прижал чем-нибудь?

– Ну, типа того.

Врач разворачивает нечистую тряпицу, и в нос шибает довольно неприятный запах. Повязка скрывает несколько рваных ран, которые уже начали гноиться.

– Ты что, мочу прикладывал?

– Да не-ет, – идёт в отказ солдат.

– Когда была травма?

– Так с неделю назад.

– Чего же ты, подлец, неделю сидел?!

– Так я боялся, что накажут.

Врач рану обрабатывает и замечает некоторые странности. Раны симметричны. И очень напоминают...

– Боец, а кто тебя укусил?

– Никто, товарищ майор! – вскакивает солдат. Глаза та-

рашит, лицо честное-честное. Короче, палится по первому разряду.

– А ну, сознавайся!

Солдат в отказ. Но майор не отступает. И постепенно вырисовывается следующая картина.

В прошлом месяце солдаты были на стрельбах, на одном из дальних полигонов. И прибилась к ним какая-то собака. Подкармливали её сухарями и супом, зверюга и носилась следом за бойцами. А в один прекрасный момент чего-то ей не понравилось, она и цапнула пациента за руку.

– Собака где? – бледнеет врач. Он-то знает, что такое бешенство.

– Да на полигоне осталась!

– Собаку ловите – и на обследование! Всех контактных – ко мне!

Что тут началось! Сержанты на солдат ревут! Командир части на себе волосы рвёт! Из столицы команда проверяющих вылетает. На полигон целая бригада собирается с верёвками и кусками брезента – собаку ловить. Между делом обнаружился ещё один пострадавший, которого собака куснула В ПАХ! Как и первый боец, он свою травму скрывал и лечился народными средствами.

На следующий день бойцы приволакивают в медпункт чёрную дворнягу, которая скулит и огрызается.

– Эта? – спрашивает врач.

– Точно эта! – хором отвечают солдаты.

Собаку – на обследование. Бойцов – в изолятор. И только беспокойна душа у майора. Что-то ему во всей этой истории не нравится. Идёт он в палату к первому пострадавшему и начинает его расспрашивать.

– А собака большая была?

– Да обычная собака, по колено мне.

– А какой окрас?

– Рыжая, с чёрным хвостом. И уши чёрные.

Врач свирепеет и идёт к «бригаде охотников».

– Вы какую собаку мне притащили?

– Ту, что по полигону бегала, – разводят руками солдаты.

– Так это же не та собака, которая бойцов покусала!

– Вроде, та, – мнётся сержант.

– Где собака? – рычит майор.

Слово за слово, и оказывается, что после второго укуса, солдаты медлить не стали и собаку из автомата завалили. Труп прикопали где-то на полигоне, а когда начался шухер – приволокли на обследование какую-то левую дворнягу.

Минут двадцать майор высказывал солдатам всё, что он о них думает. А потом загрузил в «буханку» пострадавших и расстрельную команду и повёз их на полигон.

Последующие два часа напоминали картину из какого-нибудь американского детектива. Поникшие солдаты ходят по заснеженному полю и ищут место последнего успокоения дворняги. За ними с каменными лицами два врача-офицера и сержант-водитель. Иногда группа останавливается. Солда-

ТЫ МЯМЛЯТ:

– Да вроде, здесь.

И начинают копать. А снежок прошёл, скрыл все следы. Попробуй найди через две недели. Ходили несколько дней. Но тело невинно убиенной нашли и на экспертизу отправили. К счастью, бешенство не обнаружили, так что погибла псина совершенно зря.

А кого ещё полгода любили на каждом собрании? Правильно – майора медицинской службы. Ибо не усмотрел за свои клубом любителей животных.

День рождения старшего лейтенанта

Служба в армии по контракту – это очень важное и полезное для Родины дело. Особенно если ты вчерашний «пиджак» и все армейские премудрости типа строевой подготовки и пришивания шевронов только в фильме «ДМБ» видел.

Привыкнуть к особому режиму жизни в погонах очень трудно. Моя жена, например, так и не сумела проникнуться духом военного городка и становиться офицерской боевой подругой отказалась наотрез. Мол, у неё же маникюр и каблуки.

И у меня не раз возникал когнитивный диссонанс при виде того, что происходило в армии. Вот лишь один пример.

Приезжаю в пятницу вечером домой. А в субботу у меня день рождения. Любимая жена расстаралась: накрыла стол, купила вина и сидит напротив меня в полупрозрачном халатике, многозначительные взгляды кидает, видимо, подарок задумала.

Правильно говорят: нельзя заранее отмечать – примета плохая.

Только мы налили по первому бокалу – звонок!

– Старший лейтенант Гушинец, в течение часа явиться в расположение части!

– Где горит? – спрашиваю я.

– Разговорчики! – рычит телефон. Но снисходит до отве-

та: – В медицинский пункт части с признаками острой респираторной вирусной инфекции поступил капитан Гоглидзе.

– Ну и зачем по такому делу меня в часть срывать? – наглею я. – Что, ОРВИ капитана Гоглидзе до понедельника без эпидрасследования не потерпит? Я понимаю, если бы сотня солдат заболела. А тут одни капитан. Да ещё с таким банальным диагнозом.

– Ты офигел, лейтенант? – удивляется трубка. – Капитан Гоглидзе три дня как прибыл из отпуска, который проводил на исторической родине у родителей, а именно в Грузии.

– Вот, блин, – расстраиваюсь я. Придётся ехать.

Поясняю: было это в ту тревожную весну, когда с востока, из монгольских и китайских степей, наступала на Европу волна то ли птичьего, то ли свинского гриппа. И посему было постановление: всех заболевших, прибывших из стран, по которым этот грипп ходит, изолировать и проверять нещадно, до посинения. А Грузия числилась в списке опасных стран.

Делать нечего. Собираюсь. Жена ворчит.

– Вот куда ты поедешь на ночь глядя?

– Молчи, супруга, не видишь – Родина зовёт.

– А я тоже зову. И подарок приготовила, – намекает жена.

– Если я сейчас останусь и буду с тобой подарки дарить, то в понедельник у меня буду такие же подарки от полковника Савченко. В особо извращённой форме, – поясняю я.

Жена расстраивается, набрасывает на прозрачный халатик что-то мохнатое, бесформенное и полностью асексуальное. И идёт сериал смотреть, всем своим видом выражая протест, обиду и предложение предать Родину.

Еду в часть. В течение часа прибыть не получается. Потому что крыльев у меня нет, автомобиля тоже. А электричка по расписанию ходит. Приезжаю в сумерках.

Медпункт на ушах. В изоляторе громко с грузинским акцентом орёт капитан Гоглидзе. Угрожает всех зарезать, если его тут же не отпустят домой, к жене и детям. Бледный начмед держит спиной дверь изолятора. За столом – три эпидемиолога и один подполковник.

– Опаздываешь, – цедит сквозь зубы старший по званию.

– Я пробовал угнать общественную электричку, – честно признаюсь я. – Но водить их не умею. Там вместо руля какие-то рычаги.

– Надо было попутку ловить!

Ага, попутку. В сумерках на кривой борисовской дороге. Нью-нью.

Всей толпой проводим эпидрасследование. Очерчиваем круг контактных лиц. У-у, контактных за три дня – человек полтора. Это если не считать гражданских, стариков и детей. Дело пахнет керосином и эпидемией.

Наваливаемся на капитана Гоглидзе. Берём смывы из носоглотки.

– Вези, – подполковник торжественно вручает мне про-

бирки. – Ты самый молодой.

– Куда? – удивляюсь я.

– В НИИ эпидемиологии, в столицу, – бодро улыбается подполковник. – Я узнавал: у нас в стране только там анализ на птичий грипп делают.

Потрясающе. Между прочим – десять вечера. До Минска ещё полтора часа. К полночи буду, как Золушка.

– А до завтра не подождёт? – робко замечаю я.

– Поговори у меня тут! – рычит подполковник.

Вручили мне тяжеленную сумку-холодильник, поставили туда пробирки и дали мне прощального пенделя. А сами сели водку пить, прямо в моём кабинете. Я слышу, как в пластиковых контейнерах холодильника вместо льда вода плескается, но молчу. Иначе до полуночи придётся ждать, пока вода замёрзнет. А грипп я и так доведу, за пару часов в консервационных средах ничего с ним не случится.

Полночь. Тащусь с сумкой и опасным вирусом в общественном транспорте. На сумке – знак бактериологического оружия. Люди смотрели «Обитель зла», поэтому в метро отсаживаются от меня подальше. Представьте: едет военный медик в форме, а на коленях у него подозрительный ящик. В голливудских блокбастерах зомбиапокалипсис начинается именно так.

В темноте ищу НИИ эпидемиологии. Тоже, я вам скажу, не ближний свет. Наука у нас, как назло, в каких-то заводских подворотнях. Но я же военный! Нашёл.

Стучу в закрытые стеклянные двери. Никого. Во всём здании – ни огонька. Звоню подполковнику: так мол и так, никого нету.

– Ищи! – пьяным голосом командует начальство. – Я по телефону с профессором Ивановым договаривался. Он должен тебя ждать.

Хожу вокруг здания, как американский шпион. Ищу вход. На мои крики и стуки выходит сонный дедушка-сторож.

– Отец, где тут профессор Иванов? Я ему вирус птичьего-свиного гриппа привёз.

– Иванов? – удивляется сторож. – Иванов ещё в пять вечера домой поехал.

– А про меня ничего не говорил.

– Говорил, – вспоминает дедок. – Сказал, что ему какой-то сумасшедший полковник звонил, что ему вирус опасный везут. Так профессор посмеялся и послал его.

Вот это новости! Вымаливаю у дедка телефон профессора. Звоню. Полпервого ночи, между прочим.

– Алло? – сонным голосом отзывается трубка.

Объясняю ситуацию офигевающему светилу вирусологии.

– Военные, вы что там, совсем страх потеряли?! – рычит профессор. – Я на вас жаловаться буду.

Рассказываю, что я человек подневольный, что мне Родина и полковник приказали. На мои слезливые просьбы профессор смягчается. Интеллигенция всё-таки.

– Ладно, оставь пробирки в холодильнике в моём кабинете. Приду в понедельник – посмотрю.

– Но надо сейчас.

– Молодой человек, – с бесконечным терпением в голосе объясняет учёный. – У вашего грузина обычное ОРВИ, и зря вы его мучаете. Случай подозрения на Н1Ы1 в этой республике был в другом конце страны. Да и вообще – чепуха всё это. Так и скажите вашему генералу.

Радуюсь выполненному заданию, желаю профессору спокойной ночи и звоню подполковнику.

– Какой понедельник?! – орёт начальство. – Надо немедленно!

– Так профессор дома спит.

– Что значит спит?! Привези его в институт. Особо опасная инфекция! Родина под угрозой!

– Звоните ему сами, – от усталости я обнаглел.

Дал телефон профессора полковнику. Через минут двадцать подполковник перезванивает.

– Ладно, оставляй у него в кабинете, – голос у начальства притих. Видно, профессор его послал, и совсем не по-профессорски. – А сам – ноги в руки и обратно в часть! Будем эпидрасследование проводить и контактных изолировать.

Два часа ночи. Электрички уже не ходят. Бреду по трассе с пустой сумкой, в форме, усталый и злой. Редкие машины освещают меня фарами и проносятся мимо.

Наконец рядом тормозит фура с брестскими номерами.

– Боец, куда тебе?

– В часть подвезёте?

– До поворота с трассы подкину. А там ты уж как-нибудь сам.

От поворота – три километра через лес. Ну ничего, дойду.

Светает. Приползаю в кабинет, где на диване и креслах храпит пьяное начальство. На столе – пустые бутылки, открытые консервы и корки засохшего хлеба. Полковников хочется пнуть, но вдруг проснутся. Беру запасную шинель и иду спать в автоклавную, где отвратительно воняет переваренными средами и убитыми культурами микробов, зато никто не храпит.

С днём рождения, блин!

Похождения одного прапорщика

Есть у меня знакомый – типичный прапорщик. В смысле – хитрый до невозможности и никогда не пройдёт мимо того, что плохо лежит. А то, что лежит хорошо, переложит в другое место и всё равно сопрёт. Служил этот прапорщик исполняющим обязанности начальника медпункта, пока в часть не прислали молодого врача-лейтенанта. А когда врач приехал – перевели на какую-то другую должность по продовольственному профилю. Ну и тут наш прапорщик развернулся на всю катушку.

Мужик, кстати, был толковый. При нём медпункт всегда стоял укомплектованный, крыша не текла (что редкость для здания 50-х годов постройки), при проверках всё было в порядке, а что выпадало из этого порядка, приводилось в норму в течение получаса. И потом в столовой все по струнке ходили. Начпрод его даже хвалил на собраниях.

Но вот страдал человек kleптоманией, тут уж никуда не денешься. Иду как-то вечером со службы вдоль забора части. Темно, осень, в голове – кавардак, потому что прибыло молодое пополнение, все сопливые, кашляют, перемешались с разными штаммами из разных концов синеокой, того и гляди эпидемия разразится. А дня два назад в одной из казарм что-то с водопроводом случилось. Приехали городские сантехники, раскопали весь тротуар, развалили половину пла-

ца, ну это они любят, это нормально. Полгородка без воды, но мы потерпим. Хуже, что у командира при взгляде на весь этот кавардак давление зашкаливает. Не приемлет душа советского офицера бардака сантехников. Но зима на носу, надо экстренно всё чинить, поэтому и командир молчит.

Короче, накопили труженики разводного ключа траншей, проломили забор. А возле одной траншеи набросали длиннющих металлических труб. Каждая – метров пять, точно. И в диаметре с ведро. Вот иду я и слышу, как возле траншей кто-то увлечённо сопит и трубой гремит. Подкрадываюсь в темноте, как Бэтмен. Так и есть! Мой любимый прапорщик. Подогнал свою «Шкоду» к траншее и пытается в салон хэтчбека пятиметровую трубу всунуть. «Шкода» сопротивляется. Да и труба весит неслабо. Но наш прапорщик – это несгибаемый человек. Если он задумал что-то стырить, то законы физики его не остановят. Открыл окно и через окно трубу всовывает. Сопит, как паровоз.

Минут пять я любовался, как прапор бежит вокруг несчастной малолитражки, пронзая её насквозь длиннющей металлической трубой. Потом мне надоело смеяться, и я вышел из сумрака.

– Саша, вот какого фига ты делаешь?

– А? – испуганно присел прапор.

– Сдалась тебе эта труба. Куда ты её повезёшь? Ей на приёме металлолома цена – копейки. Больше бензина спалишь. Хотя о чём я? Бензин у тебя казённый.

– Фу, товарищ старший лейтенант, это вы, – прапор снимает кепку и вытирает лицо. – А я уже испугался, что командир.

– Труба тебе зачем? – не отстаю я.

– Да тёще на дачу, – машет рукой прапор. – Хочу слив сделать подальше, а то прямо под дом течёт. Вы не сомневайтесь, я всё рассчитал и померял. У сантехников всё равно две трубы лишние будут.

– Так ты две трубы стырить собираешься?

Прапор критически смотрит на свою крошечную «Шкоду», нанизанную на трубу, как бабочка в коллекции. А потом с уверенностью Влада Цепеша пожимает плечами.

– Не, ну а чё? Влезет.

– Короче, Александр, прекращай дурью маяться и оставь трубы в покое. Выгружай обратно.

– Ну това-а-рищ лейтенант...

– Выгружай, выгружай. А то ещё две недели казарма без воды стоять будет.

Прапор поворчал, но начал трубу из салона вытаскивать.

И вот я же отлично знал, что стоит мне уйти, как через некоторое время он вернётся и всё равно трубы стырит. Но не дежурить же возле траншеи всю ночь?! Дождался, пока «Шкода» скроется в темноте, и пошёл домой.

А труб сантехникам, кстати, хватило.

И вот везучий же был, гад. Как-то с двумя поварами из солдатской столовой они целый месяц сэкономили сосиски.

Набрали килограмма по три на каждого. А как вынести? Вокруг части забор с колючкой. На КПП кроме солдат-срочников ещё и офицеры стоят. А ну как глянет, что повариха в сумке выносит?

Мудрствовать не стали: обмотались сосисками под одеждой и пошли. Только поварихи через обычный выход, а прапор через забор, по вечной армейской «тропе Хо Ши Мина». Поварихи – женщины пожилые, грузные, решили рискнуть и пойти через КПП, потому что «война с забором» была в разгаре и верх ограды мало того, что солидолом измазали, так ещё колючки в три ряда накрутили.

И тут им не повезло. То ли кто-то из подчинённых их сдал, то ли звёзды на погонах так сошлись. Но в тот день на КПП стоял злобный подполковник зампотылу. И вот он-то поварихам не только в сумки заглянул, но и в душу, в смысле за пазуху. А там сосиски, которые по всем документам ещё две недели назад солдаты съели.

Крику было! Поварихи играть в Марата Казея не стали. Сдали прапора как соучастника. Зампотылу мчится в городок, в общежитие к Сашке, а тот уже сидит в тапочках, телевизор смотрит и пиво пьёт. А что? Имеет право вечером выпить. И по всей комнате запах варёных сосисок. Только самих сосисок – даже шкурок не осталось. Сашке кто-то позвонил с КПП, что поварих замели и раскручивают, так этот кадр за пять минут все три килограмма сожрал. Вместе со шкурками.

Поварих с позором уволили, а вот Сашке, кроме свидетельств поварих, и предъявить нечего. Не пойман – не вор. Правда со столовой сняли и перевели в ремонтные мастерские. Но это всё равно, что шкодливого кота поближе к «Вискасу» передвинуть.

А как-то отмечали у прапора его новые звёзды. Зазвал он к себе в блок общежития половину медиков части, накрыл стол, сидим, пьянствуем, байки травим.

После третьей чашки чая захотелось мне по физиологической надобности. Захожу в удобства к прапорщику и наблюдаю над бачком полотняную занавеску с синими печатями Министерства обороны. Понятное дело – стырил простыню в медчасти и приспособил. Ну, это грешок маленький. Но вот дёрнул же меня чёрт занавеску отодвинуть. Сгубит меня любопытство. И в тот же миг я почувствовал себя Хэнком Шрейдером из сериала «Во все тяжкие», который, сидя на унитазе, понял, что его свояк Уолтер Уайт – глава наркомафии.

За простыней открылась солидная ниша, доверху забитая уходящими в темноту серыми брикетами. Их было столько, что я даже считать не стал. Ткнул пальцем – мыло. Серые брикеты хозяйственного мыла. Причём столько, что Сашке до конца жизни хватит. Ещё и детям останется. Как у меня в части при таком снабжении моющими средствами солдаты ещё поголовно не завшивели?

Когда до моего дембеля оставалось месяца два, Саше да-

ли долгожданную квартиру в новостройке, в двух шагах от городка. Так, чтобы не спалиться, прапор вещи перевозил ночью. Потому что ночью казённых печатей на простынях не видно.

Необычные истории про взятки

Ещё один рассказ о взятках в медицине.

После окончания медицинского университета меня послали в интернатуру в один из областных центров нашей страны. Там меня мигом взяли под опеку серьёзные дамы из центра гигиены и эпидемиологии, и всего через пару дней теории я в качестве врача-интерна носился за ними по объектам города с проверками.

Приезжаем в городскую больницу. Картина стандартная. В процедурном кабинете расколоты плитки пола, в хирургии казённая зелёная краска пузырится на стене. Короче, скучно.

– А сейчас, Павел Владимирович, мы пойдём в морг, – командует моя куратор.

Ну, в морг так в морг. Морги я люблю. Там тихо, и никто жалобы не пишет.

Заходим в кабинет заведующего, и я вижу удивительную картину. Вдоль стены в два ряда стоят огромные жестяные бидоны, в которых обычно с фермы молоко возят. Но, судя по царящему в кабинете запаху, сегодня в них вовсе не молоко. Заведующий встаёт нам навстречу.

– Здравствуйте, Елена Евгеньевна. Вы снова в наши стены? Всегда рады. Сразу пишите: в секционном зале три расколотые плитки, каталку пора менять к чёртовой матери и санитар, паразит, с утра нетрезв, ну это его обычное состо-

ание. Более нарушений в моём хозяйстве нет, можете даже не проверять.

– Нельзя не проверять, – качает головой моя куратор.

Рысью пробегаем по моргу, не обращая внимания на синие пятки, торчащие из-под простыней с казёнными печатями. Всё действительно в порядке. А санитар храпит в подсобке. Возвращаемся в кабинет. Пишем бумажки.

На прощание заведующий широким жестом открывает один из бидонов. К потолку взлетает сбивающий с ног запах.

Берёт железный ковшик, трёхлитровую банку и отливает нам чистого медицинского.

– Ну что вы, Сергей Иванович, – пытается отказаться куратор. – У нас в отделе со взятками строго.

– Спирт, Елена Евгеньевна, – это не взятка! – наставительно говорит «повелитель смерти». – Спирт – это жизненная необходимость.

– Отдайте тогда интерну, – распорядилась куратор. – Ему ещё в коллектив вливаться.

Про то, как я ехал в переполненном автобусе с благоухающей банкой и все мужики принюхивались, умилялись глазами и вертели головами, – это отдельная история.

Вторую необычную взятку мне дали уже в армии, когда я ездил с проверками по отдалённым частям. Как-то зимой тянусь в леса и болота Беларуси на раздолбанной «буханке». В сумке грохочут пробирки для микробиологических смывов, фуражка норовит улететь на свободу. Челюсти приходится

сильно сжимать, чтобы на очередной кочке зубы не выбило. А сержанту-води́ле всё пофиг. Он вовсю курит, болтает и подпрыгивает на кочках синхронно со своей тачанкой.

Прибыли на место. Иду для начала в столовую, составляю разгромный акт за тараканов и плесень в подсобке. В казарме терпимо. Весной там подтекал потолок, и видны следы его торопливого замазывания. На продовольственном складе на полу следы помёта грызунов. А в остальном для крошечной лесной части всё вполне прилично.

Напоследок оставляю медиков. Дописываю все бумажки и обращаюсь к мрачному завстоловой.

– Подскажите, а где у вас медпункт?

– Медпункт дальше по коридору. Только там никого нет.

– Почему это нет?

– У фельдшера день рождения сегодня. Он не вышел.

Вот блин! Тянуться сюда во второй раз нет никакого желания.

– А далеко фельдшер живёт?

– Да сразу за забором части. Мы все тут, в посёлке, живём. Местные.

– Позвоните ему, что ли. Пусть уж на полчаса ради проверки явится. Больше, честное слово, держать не буду.

Завстоловой звонит. Через минут десять прилетает полный красномордый мужик с умильной улыбкой и характерным запахом спирта.

– Лейтенант, ну ты что, какая проверка?! У меня как раз

баня поспела! Вот тебе ключи от медпункта, у меня там всё в порядке, потому что нет ни хрена, кроме угля активированного! А потом – раздевайся и заходи. Василич тебе покажет, куда идти.

Первый раз принимал санминимум у фельдшера в трусах и в парилке.

А один из моих коллег поехал проверять десантную часть. Так ему в качестве взятки предложили прыгнуть вместе с личным составом с парашютом. Коллега был парень отчаянный, поэтому тут же согласился. Мало того, что прыгнул, ещё и фотки свои довольные во все соцсети выложил. «Я перед прыжком, я в самолёте, я лечу! Мама – я живой!»

Наш командир узнал – орал долго. А потом издал приказ: «В целях предотвращения травматизма личного состава ЗАПРЕТИТЬ участие офицеров СЭЦ в спортивно-массовых мероприятиях проверяемых частей». Так что я через неделю на танке катался уже безо всяких фотографий.

Ещё одна история случилась с моим коллегой, который работает в кабинете МРТ. Как-то приходит к нему на процедуру солидный товарищ с больной спиной. Делает снимки поясничного отдела. Коллега, ожидаемо, обнаруживает грыжу, скидывает внутренний мир пациента на диск и вручает клиенту.

Солидный товарищ благодарит, морщась от боли. И вручает доктору большую шоколадку с кучей немецких букв на ярких боках.

Доктор шоколадки не ест. Потому что он здоровенный дядька, сто двадцать килограммов. Ему бы колбаски и пива. Поэтому шоколадка благополучно уходит на презент медсестре Анечке из хирургии. Анечка шоколадки не ест, потому что скоро лето, а ей ещё в Турцию ехать. И шоколадка оказывается у медсестры Светочки из терапии. Светочка шоколадки не ест, потому что... Просто не ест – и всё.

За месяц шоколадка совершает цикл по всей больнице. Её дарят секретарю главного, ею подлизываются в столовой.

Шоколадка становится переходящим знаменем, универсальной валютой. Её яркая обёртка мелькает то тут, то там, пока не возвращается обратно в кабинет МРТ.

Приходит доктор с утра на работу, а в кабинете сидит лаборант Виталик и жрёт переходящее знамя, аж чавкает. Потому что он с утра не позавтракал.

– Приятного аппетита, – говорит доктор.

– Угу, мг-г-г, чаф-чаф, – отзывается лаборант. И вдруг удивлённо выпучивает глаза.

Потому что с очередным укусом из обёртки появляется краешек знакомой до боли зелёной купюры. И Виталик осторожно вытаскивает на свет Божий целых сто долларов. Сто долларов, которые благополучно совершили цикл по больнице и незнамо сколько ещё ходили бы, если бы лаборант не счавкал их носителя.

Виталик – человек честный. Поэтому доктору долю отстегнул. Процентов десять.

Байки армейского микробиолога

Как выносили термостат

В армии я некоторое время занимал должность начальника микробиологической лаборатории. Начальник – это громко сказано, потому как кроме лаборантки-санитарки Людмилы Сергеевны и себя лично начальствовать мне было не над кем.

Лабораторию я получил с кучей бесполезного списанного хлама. Например, у стены, перегораживая проход, стоял полевой термостат. Для тех, кто не знает, опишу. Это такой здоровенный шкаф в половину человеческого роста с двойными железными стенками. Между стенок заливается горячая вода. И можно выращивать микроорганизмы хоть в партизанском лагере. В условиях применения бактериологического оружия – незаменимая вещь. Но мне нафиг не нужная, потому что задняя стенка шкафа проржавела едва ли не насквозь.

А ещё у меня была подсобка, которую использовали как склад. Склад, как и термостат, достался мне от многих поколений предшественников. Хлама там было выше головы, и иногда я вполне серьёзно надеялся найти там что-нибудь вроде прекрасно сохранившейся мумии Рамзеса Третьего.

На полках подсобки ровными рядами выстроились банки с микробиологическими средами в порошках. На каждой банке стояла гостовская звезда и виднелась гордая надпись «Сделано в СССР». Сроки годности микробиологических сред вышли ещё при последнем генсеке.

С пола до потолка возвышались стопки отчётных журналов и подшивок «Белорусской военной газеты». Если бы в стране внезапно разразился энергетический кризис и нам всем отключили отопление, на одних журналах я продержался бы не меньше месяца.

На досуге я любил полистать пожелтевшие страницы журналов учёта, под которыми стояли выцветшие подписи майоров и капитанов из 60-х годов. Практически изучение исторических документов. Ведь теперь я знаю, что в 1978-м гвардии сержант Иванов три дня не слезил с горшка, но болезнетворных микробов в его могучем комсомольском теле так и не найдено.

А однажды солдаты, скучающие в очереди на взятие анализов, забрались в подсобку, нашли безыгольные инъекторы образца 80-х и играли с ними в «Звёздную войнушку». Начмед как раз стоял у окна терапевтического отделения. Он посмотрел на то, как эти слоны с пш-ш-шиканьем носятся по кустам медроты, и выписал всех нафиг. Это был последний доказанный случай чудесного излечения группы людей списанной медицинской техникой.

Как вы понимаете, ничего из этого хлама выбрасывать не

полагалось. Ибо всё заинвентаризировано, внесено в соответствующие журналы и должно храниться веками.

Но меня эти груды мусора бесили страшно. Это же микробиологическая лаборатория! Тут всё должно быть чисто, прозрачно и стерильно! А какое может быть стерильно, когда прямо возле дверей железный термостат ржавеет и сыплет на кафельный пол рыжий порошок?

Я начал ходить следом за начмедом с просьбой выделить мне угол в подвале медроты, чтобы перетащить туда весь хлам. Начмед отмахивался, потому что ему весь этот исторический лом тоже нафиг сдался. Но я был очень настойчив, поэтому в конце концов майор сдался, бросил на стол ключи от подвала и попросил только не складировать в подвале какую-нибудь холеру, а то у него статистика по заболеваемости нарушится. Наивный. Холеру я хранил совсем в другом месте. В холодильнике вместе с бутербродами.

Оставалась чепуха: перетащить всё добро из лаборатории в подвал.

Был приятный майский день. Я повесил белый халат на крючок, вытащил из закровов полевую форму и принялся разгребать микробиологические завалы. Лаборантка Людмила Сергеевна замерла со шваброй наизготовку. Начмед с тоской смотрел на меня из окна. Он бы меня проклял, но в следующем месяце должна была пройти эпидемиологическая проверка медроты. А кто её должен был проводить? Правильно – ваш покорный слуга.

Часа три я грохотал ящиками и коробками с бесполезной чепухой. Подсобка оголялась, стыдливо показывая стены, не крашенные со времён маршала Жукова. Наконец остался только термостат. Я подошёл с одного угла, со второго, попробовал приподнять. Нет, точно одному не справиться. Надо звать подмогу. Звоню начмеду в медроту.

– Товарищ майор, разрешите несколько офицеров в помощь. Надо термостат вынести.

– Ты что, лейтенант, совсем офигел? То ему угол на складе под бактериологическое оружие, то ему хирургов, чтобы это оружие таскать. Нам что тут, по-твоему, больше делать нечего?

Судя по крикам из ординаторской «Куда, б..., с козырей ходишь?!» дел у докторов действительно было по горло.

– Товарищ майор, я один термостат никак не вынесу. А Людмила Сергеевна уже дама в возрасте, ей противопоказаны тяжёлоатлетические упражнения. Давайте людей, или я на вас её натравлю.

Майор скрипнул зубами и прислал сразу человек пять бойцов из выздоравливающих. Солдаты вошли в лабораторию, зябко кутаясь в рыжие халаты и с опаской поглядывая по сторонам. Без особой нужды они старались даже ручек дверей не касаться. Странные, у меня же тут не КВД.

Со всех сторон мы взялись за злосчастный термостат. Закряхтели, приподняли! Тяжёлый, зараза! Может, в нём золото партии спрятано?

С матюками и стонами тащим термостат к выходу. А он, гад, в двери не пролазит! Пытаюсь открыть вторую створку. А на ней все защёлки давно двадцатью слоями краски окрашены. Выламываю нафиг створку, на головы осыпаются окаменевшие куски краски, протаскиваем шкаф. На ступеньках он падает на ногу одному из бойцов, и солдат мгновенно из выздоравливающего пациента терапевтического отделения превращается в свежего страдальца из хирургии. Острым углом шкафа заезжаем второму в живот, тот сгибается в три погибели и стонет. Но своего груза не бросает. Молодой, наверное. «Дед» бы давно бросил.

Наконец дотащили. Подпёрли термостатом подвальную стену. Теперь она переживёт даже прямое попадание авиабомбы. Отпускаю солдат обратно в медроту, а сам впервые осматриваю термостат со всех сторон. Его задняя стенка как обратная сторона Луны. Такая же в прошлом недоступная и изрытая кратерами. А что это за крышечка внизу?

Любопытство меня когда-нибудь погубит. С хрустом отворачиваю крышечку и на пол подвала начинает хлестать воющая ржавая вода. Оказывается, между двойными стенами термостата ещё с каких-то мохнатых годов оставалась вода. Испаряться ей было некуда: всё закрыто. А не булькала потому, что залита была по самую крышку. А это лишних килограммов сто. Вода вылилась, образовав на бетоне огромную ароматную лужу. И я с трудом, но поднял термостат за один угол.

Простите меня, бойцы. Я, честное слово, не знал.

Незаменимые люди

Работа микробиологической лаборатории в армии скучна и однообразна. Кандидаты в повара и хлеборезы выдают однотипные, как солдаты на плацу, колонии кишечной палочки. «Умирующие от дизентерии» «косари» тоже не отличаются оригинальностью в микробиологическом плане. Одно развлечение – подарки из медроты в виде ангин. Тут в скучные ряды кишечной палочки вторгаются стафилококки и стрептококки, которых можно всласть потравить в антибиотикограмме и разложить на красочном ряде сахаров.

Никаких тебе таинственных случаев, никаких загадок. Рутина.

А тут приходит ко мне серьёзная дама, повар отдалённой подконтрольной части.

– Товарищ старший лейтенант, я для прохождения комиссии.

– Здравствуйте, проходите.

Лаборантка Людмила Сергеевна берёт у посетительницы все необходимые смывы. Сеем на чашки Петри, ждём урожая.

Наутро разглядываю ровные колонии кишечной палочки и замечаю по самому краю несколько подозрительных мелких колоний. Так, что это у нас?

Приходит повариха. Радостная такая. С шоколадкой.

– Извините, – говорю. – Но пока я вынужден отстранить вас от приготовления пищи. Посев выявил несколько подозрительных колоний. Необходимо провести диагностику. Вы как себя чувствуете?

– Отлично я себя чувствую, – у повара мгновенно портится настроение. – Подпишите мне санитарную книжку. Отродясь ничем не болела.

– Мария Ивановна, – стараюсь говорить максимально спокойно и доходчиво. – Я не могу допустить вас к котлу. Мало ли что у вас высеялось.

Повар недовольно бурчит, но я настаиваю на своём и отправляю её на повторный осмотр к терапевту медроты. Тот звонит через час.

– Да здорова твоя повариха. Чего ты паникуешь? Никакой клиники, стул в порядке. А на что хоть подозрение?

– Если бы я знал, – вздыхаю я. – Микробиология – очень медленная наука.

– Параноик ты, Пашка, – по-приятельски говорит терапевт. – Делать тебе в лаборатории нечего, вот ты и дуреешь.

– Может, и так, – снова вздыхаю я.

И погружаюсь в справочники.

На третий день исследований мои подозрения свелись к иерсиниозу. Для точной диагностики, конечно, необходимо использовать не только бактериологические методы, но и серологию с иммунодиагностикой, но у меня в ведомстве та-

ких современных методов отродясь не было. Вопрос серьёзный, надо решать. Еду в гражданскую санстанцию с шоколадкой, и девочки, колдуя с агглютинацией при мне, подтверждают поставленный диагноз. Иерсиниоз, чтоб его.

Откуда взялась столь специфическая инфекция в нашей части, можно только гадать. Распространению иерсиниоза способствуют грызуны. А уж мышей на продскладе каждой части – навалом. Иерсиниоз называют болезнью холодильников, так что могли привезти откуда-то с новой партией продуктов. И ещё варианта три.

Инфекция, казалось бы, не особо страшная. Не дизентерия же. Организм здоровых людей часто сам справляется с вредоносной палочкой. Но тут случай особый: повар для полсотни солдат. И хоть нет у неё клинических проявлений – рисковать не стоит.

Звоню в часть. Диктую медику получившиеся результаты. Медик, старший прапорщик, начинает паниковать.

– Да как же это так? А чем это грозит?

За мной прилетает на личном автомобиле замкомандира, чуть ли не с мигалками летим спасать мир.

Провожу мероприятия. Вместе с прапорщиком начп-ром устраиваем геноцид мышино-го населения, полдесятка солдат обрабатывают дезсредствами склад и столовую, перетряхиваем запасы продуктов. Делаю сотню смывов с посуды, столов, стен, пола, картошки и свёклы. Ближе к вечеру собираю личный состав в столовой. Читаю длинную лекцию

про иерсиниоз. Спрашиваю: поняли? Кивают.

– Точно поняли?

– Обижаете, товарищ старший лейтенант.

Консилиум терапевта и инфекциониста назначает лечение несчастной поварихе. Та пьёт лекарства и тихо проклиняет меня.

Проходит пару недель. И радостная повариха снова появляется на пороге лаборатории. Рядом с ней – сияющий старший прапорщик, медик части.

– Пролечили? – спрашиваю я.

– Так точно, товарищ старший лейтенант. К повторному анализу готовы.

Наутро в чашке Петри ровные розоватые колонии кишечной палочки. Подлого иерсиниоза нет и в помине. За результатами приезжает медик.

– А где ваша повариха? – спрашиваю я.

– Так с самого утра уже у котла. Надо солдат готовить к полевому выходу.

– Подождали бы результатов анализа, – ворчу я.

– Но ведь всё в порядке? – беспокоится медик.

– А если бы не в порядке?

– Тогда совсем плохо бы было. Ивановна у нас в части – незаменимый человек. Других поваров в нашу глухомань днём с огнём не затащишь.

– Но вы же на время её лечения кого-то нашли?

Медик подозрительно молчит, разглядывает носки сапог.

Ну не могли же они...

– Так, коллега, а кто у вас в части последнюю неделю еду готовил?

– Так она и готовила, – отчаянно признаётся прапорщик. – Больше же некому. Другого повара не нашли. Да вы не переживайте, товарищ старший лейтенант. Мы для профилактики все руки мыли.

Ругался матом и проверял 84 человека на иерсиниоз. Но это уже совсем другая история.

Несчастные случаи

Я же не хотел

Ни для кого не секрет, что несчастные случаи вообще случаются. И в армии, несмотря на царящую там видимость порядка, они тоже не редкость. Потому что в замкнутом пространстве сотни молодых парней, вчерашних подростков, водят тяжёлую технику, стреляют из настоящего оружия, орудуют острыми колюще-режущими предметами. И калечат друг друга, а то и убивают, потому что среди них обязательно попадаются три-четыре идиота.

Из-за идиотизма одного такого индивидуума и произошла следующая история.

Тихим майским вечером в наряд на КПП подконтрольной мне части заступил рядовой Новиков. Рядовой уже успел отслужить почти год, искренне считал себя «дедом» и, как пишется в официальных документах, не раз, «используя мнимое умственное и физическое превосходство, вступал с сослуживцами в неуставные взаимоотношения». Домой рядовому Новикову искренне не хотелось, потому что до армии жил он в частном секторе небольшого городка на окраине родины, интеллектом не отличался, и в лучшем случае ожидало его родное ПТУ, в котором учились отец и дед, а потом

завод. А хотелось ему совсем другого. И главное – быстро и без особых усилий.

В размышлениях о способах быстрого обогащения медленно проходил вечер. Дежурный офицер что-то раздражённо черкал в многочисленных бумажках. Рядовой Новиков скучал. Иначе как скукой своё дальнейшее поведение он объяснить не мог.

На свою беду мимо КПП проходил по каким-то надобностям рядовой Верес. Рядовой Верес служил только полгода, и поэтому не раз подвергался придишкам со стороны рядового Новикова. Увидев потенциальную жертву, Новиков воспрянул духом и решил стрельнуть у первогоodka сигарету. Сначала хотел к нему вежливо обратиться, типа «Эй, ты – иди сюда!». Но потом покосился на офицера и решил не поднимать шума. А потому привлёк внимание Вереса довольно оригинальным способом: достал из ножен положенный дежурному штык-нож и метнул его в сторону солдата-первоodka.

Как потом рассказывал следователям перепуганный Новиков, он думал, что штык-нож упадёт у ног Вереса или, что ещё смешнее, ткнётся рукояткой в спину пробегающего солдата. По закону подлости, броску Новикова позавидовал бы сам индеец Чингачгук. Штык-нож крутанулся в воздухе и с хрустом вошёл в спину Вереса.

Спасибо производителям штык-ножей к автоматам Калашникова за то, что они не затачивают свои творения до

остроты самурайских мечей. Лезвие пробило насквозь лопатку солдата-первогодка, проскользнуло между рёбрами и остановилось в считанных миллиметрах от правого лёгкого. Верес вскрикнул и упал.

Новиков сразу и не понял, что произошло. Он неспешно подошёл к лежащему сослуживцу, ткнул его ногой и произнёс что-то типа:

– Ну, б..., вставай, чего разлёгся?

Но тут из КПП, привлечённый вскриком, выглянул офицер. Дальше – шум, маты, медрота на ушах, вырванные из дома хирурги.

Верес, конечно же, выжил. И, если не считать дырки в правой лопатке, почти не пострадал. А вот Новикову пришлось оставить свои мечты о быстром обогащении и на несколько лет оказаться в очень неприятном месте.

Причём после оглашения приговора Новиков искренне возмутился:

– За что?! Я же не хотел.

Танки леса не боятся

Следующий случай можно отнести тоже как к несчастным случаям, так и к разгильдяйству и нарушению техники безопасности.

Сентябрьским утром на танковом полигоне проходили занятия по вождению тяжёлой техники. Рядовой Петров нахо-

дился на месте механика-водителя, по радио им руководил инструктор старшина Иванов. Вспомните своё первое вождение в автошколе. Трясутся руки, спина мокрая, от каждого встречного автомобиля учащается пульс. А теперь представьте, что вы не за рулём малолитражки с относительно вежливым платным инструктором, который подстраховывает вас дополнительной педалью тормоза, а в многотонной стальной коробке с непонятными рычагами, ограниченным обзором и с матерящимся старшиной в шлемофоне. Паника, страх, спутанное сознание.

– Поехали! – заорал старшина.

Танк дёрнулся, взревел и медленно покатился по взрыхлённому полю.

– Ровнее держи!

Танк дёрнулся, пошёл криво и начал неумолимо приближаться к кромке леса.

– Куда, б...? – не хуже танка взревел инструктор. – Направо давай!

От испуга рядовой Петров, видимо, перепутал, где право, а где лево. И танк развернулся, врубился в ряды стройных сосен и проехал метров двадцать, словно спички, ломая смолистые стволы.

– Стой, б.! – истошно заорал старшина.

Петров команду услышал, но снова не понял. И танк сначала встал как вкопанный, а потом рванул из леса задним ходом.

В конце концов, танк – не «Шкода-Фабиа». Ему эти сосны не страшны, даже царапин на корпусе не оставили. Но по случаю поздней сентябрьской жары танкисты допустили страшное нарушение техники безопасности. А именно – для вентиляции был открыт запасной люк под сидением механика-водителя. Именно в этот открытый люк при движении назад и угодил расщеплённый пень сосны. Рядового Петрова впечатало в потолок, и танк остановился.

Солдата доставали целый день и частями. Наутро в медроту приехал его отец – какой-то милицейский начальник. По рассказам, сын хотел после школы поступать в вуз, но Петров-старший настоял на том, чтобы он сначала отслужил в армии. Вот и отслужил.

Старшину Иванова долго таскали по разбирательствам, но, к счастью для него, имелись запись переговоров и многочисленные свидетели. Ограничились увольнением из армии, да он и сам после происшествия не горел желанием остаться.

Месяца три офицеры лазили проверять, закрыты ли люки. А потом всем надоело.

Записки «пиджака»

Хлеборез

«Пиджак» (армейск.) – офицер, попавший в армию после гражданского вуза.

Небольшое отступление. В конце 2000-х после окончания медицинского университета автор призвался в ВС РБ и служил в санитарно-эпидемиологической лаборатории крупнейшей в стране воинской части.

В армии меня не любили. Во-первых, я был проверяющий, а проверяющих вообще мало кто любит. Во-вторых, в части, где располагалась моя лаборатория, я никому не подчинялся, чем вызывал раздражение местного командования. Моё командование сидело в столице, а в Борисове я был посланный казачок. В-третьих, я был «пиджак». «Пиджак» такой, что вообще, вот до мозга костей, такой, что не знал, какой рукой честь отдавать и как следует пришивать погоны. В-четвёртых, из-за своей пиджаковости я над военными смеялся. Ну вот не могли мои мозги за эти два года повернуться так, чтобы я понимал все их приколы.

К примеру, привозят ко мне солдатика. Солдатик готовится на повара или хлебореза в части, которая через четыре

дня «в леса» уходит, в войнушку играть. Я должен солдатика проверить, дабы не возбудил он в стройных рядах наших Вооружённых Сил какую-нибудь кишечную инфекцию.

Сею я анализы солдатика, и появляются в чашке Петри какие-то подозрительные белесоватые колонии. То ли кишечная палочка извращается, то ли что-то непонятное. Надо анализ дальше проводить. На среду обогащения пересеивать, на биохимический ряд ставить. А солдатика на должность пока дорога закрыта. До выяснения.

Пишу в карте: «Проверить», и всё такое. Объясняю бойцу, почему доктор не пускает его к вкусно пахнущему котлу с борщом и толстым ломтям чёрного хлеба. Солдатик грустнеет и уходит. Через две минуты в лабораторию прибегает подполковник, командир части, из которой прибыл источник подозрительных бактерий.

– Товарищ лейтенант, что за фигня?!

– Здравствуйте.

– Нам через три дня в лес, а вы мне повара не пускаете! – даже не запнувшись, продолжает подполковник.

С подполковниками надо разговаривать вежливо и максимально понятно:

– Во-первых, вы сами виноваты, что бойца так поздно привели. Во-вторых, весьма может быть, что ваш боец является носителем непонятной кишечной инфекции. И определить я её могу через пару дней. Быстрее бактерии не растут, как бы я ни старался. Существуют, конечно, современные

экспресс-методы, но в доверенной мне лаборатории оборудование исключительно классическое, поэтому работаем на уровне Пастера и Боткина. И допустить вашего бойца в повара или хлеборезы, пока всё не будет ясно, я не могу.

— Твою мать, лейтенант! — понижает меня в звании подполковник. — Ты мне весь график занятий срываешь!

— А какие тут занятия? — говорю я. — Если у вас половина части обосрётся из-за этого хлебореза, виноват кто будет? Я буду виноват.

— Пиши, что ты ничего не нашёл!

— Так я же нашёл!

— А ты пиши, что не нашёл, — с нажимом, как тупому, объясняет военный.

— Не могу, товарищ подполковник.

— Я тебе приказываю!

— Не могу, товарищ подполковник. Я клятву Гиппократова давал.

И тут подполковника начинает колбасить. Потому что не привык он к неподчинению младших по званию. Орёт он, кулаком по столу и косяку двери стучит. Так стучит, что штукатурка сыплется и пробирки жалобно дребезжат. Сидит перед ним старший лейтенант в белом халате поверх погон, и имел этот лейтенант этого подполковника. Потому что у него, видите ли, клятва какому-то Гиппократу! Кто был по званию этот Гиппократ?! Небось, такой же «пиджак»?!

А начальство этого старшего лейтенанта в Минске сидит.

А там такие страшные звери, что лучше с ними не связываться.

Любой нормальный человек что бы сделал? Взял бы тихонечко этого солдата и сводил бы его в лес или заменил бы, к чёртовой матери, ведь время ещё есть. Я бы в жизни об этом не узнал. Но подполковнику надо, чтобы всё было правильно, по Уставу, и до точки. А ещё ему надо ответственность на кого-то переложить. Поэтому он орёт ещё минут сорок. Я – ни в какую. Тогда он убегает в медроту и приволакивает с собой майора-начмеда.

Начмед мне тоже не начальник. И мой упёртый скверный характер уже знает. Но делать-то что-то надо. И они вдвоём начинают на меня орать. Причём начмед орёт и одновременно подмигивает мне обоими глазами, мол, не принимай меня всерьёз, я только для этого подполковника стараюсь.

И ведь есть же выход. Медленно, по буквам, объясняю это багровому подполковнику. Возьмите вы другого солдата. У вас в подразделении их несколько сотен. Если своих не хватает, одолжите у начмеда. А не хотите другого, свет клином сошёлся на рядовом Иванове, так отправьте анализ в гражданскую лабораторию. Там есть экспресс-тесты. Как раз за пару дней выясним, что за чужеродные твари живут в кишечнике доблестного повара.

Но подполковник живёт по схеме. И мои варианты ему почему-то не нравятся.

– Сука! – орёт подполковник. И убегает в гнев. За ним

уходит начмед.

Через два дня на пороге лаборатории появляется тот же самый боец-повар. Вид у него бледный и замученный.

– Товарищ старший лейтенант, – жалобно блеет он и протягивает карту. – Переделайте анализ, пожалуйста. Нам завтра в лес идти.

– Признавайся, что с тобой делали, – суровею я.

Солдат отрицательно мотает головой.

– Таблетками кормили?

Солдат всхлипывает и кивает.

Понятно. Какой-то урод посоветовал подполковнику напичкать солдата антибиотиками. Мол, от антибиотиков всё живое сдохнет, и вредный доктор допустит солдата в повара. Ну, что делать? Сею солдата повторно. Наутро в чашке Петри сиротливые две колонии. Типичные для кишечной палочки. Это какими же дозами пичкали бедного повара!

Подполковник ходит гордый. Всё равно сделал по-своему. А через неделю из леса привозят двадцать бойцов с кишечной инфекцией. Нет, солдат-бедолага тут ни при чём. Просто они ему в помощники подкинули ещё двоих. А один из них – носитель.

Подполковник пытался задним числом подделать анализы. Хрен получилось. У меня лаборантка Людмила Сергеевна – сорок лет в армии. Она такие вещи за километр чуяла. Но выговор мне всё равно объявили. Для профилактики.

Кодовые цифры

Была у нас в части так и непонятая мною традиция. Приблизительно раз или два в день на моём столе начинал звонить военный телефон. Такой классический, чёрный, с крутящимся диском. И грубоватый мужской голос произносил какие-то непонятные цифры. Полагалось встать по стойке смирно, представиться и бодрым серьёзным голосом повторить за голосом эти цифры. Я при этом очень старался не ржать. И лаборантка Людмила Сергеевна, как истинный ветеран ВС, бросала на меня укоризненные взгляды и грозила шваброй. В конце содержательного диалога с телефоном полагалось оглушительно рявкнуть: «Старший лейтенант медицинской службы Иванов информацию принял», – положить трубку и тут же забыть. На том конце провода успокаивались, и дальше всё было в порядке.

Я поначалу спросил у начальника СЭЛ, старшего лейтенанта Юрика, который служил в части больше меня на две недели, поэтому был «дедом»:

– Что это за цифры и для чего нужны?

Юрик оторвался от «Косынки» на гудящем рабочем компьютере и махнул рукой:

– Забей.

Ну я и забил.

А через полгода к нам в лабораторию с какой-то окази-

ей свалилась подполковник Маша. Маша – это была отдельная история. Во-первых, у неё была очень военная фамилия – Батян. Почти батяня-комбат. Во-вторых, она была целый подполковник медслужбы. В-третьих, она была блондинка, со всеми вытекающими. То есть загар от солярия, фитнес, маникюр, тонкие сигареты, и при этом подполковник медслужбы: мать-перемать, ходите строем. Не знаю, как это сочетается.

И вот сидит эта Маша, разбирает бумажки и разговаривает с нами. Мы уже три часа проверяем отчёты. Два раза сходили за кофе (если вы понимаете, о чём я) и восемь раз покурили. Так что настроение у Маши боевое.

И тут тренькает военный телефон. Поднимаю трубку:
– Старший лейтенант Иванов. СЭЛ!

И грозный голос начинает диктовать мне таинственные цифры кода Да Винчи. А тут Маша тянет меня за рукав:
– А вот тут у тебя что?! – и наманикюренным пальчиком в какую-то строку отчёта тычет.

Я отвлекаюсь на Машу, потому что целый подполковник рядом.

Грозный голос, видимо, обиделся на моё невнимание. И заревел на всю ивановскую:

– Товарищ лейтенант! Что вы там, б..., делаете?! Я вам серьёзную информацию передаю, а вы там с девочками хихикаете?!

И Маша это слышала. А так как она была не просто под-

полковником, а подполковником-блондинкой, то очень болезненно относилась к подобным вещам. Рывком выхватила у меня трубку:

– Имя?! Звание?! С тобой, мудака, не хихикает, а разговаривает подполковник медицинской службы Батян!

И понесла, и понесла. Я уж насколько подкован в филологическом плане, но и то в блокнотик записывал.

Нам после этого неделю не звонили.

Построение

На утреннее построение я ходил редко. Во-первых, это была всё-таки не моя часть. Я же был в ней засланный казачок, помните? А во-вторых, меня никто не заставлял. А если не заставляют – зачем делать?

Но как-то пришли ко мне в лабораторию коллеги-медики из медроты. Я с ними ещё в универе учился, поэтому общались неформально. И говорят мне:

– А пошли, Паша, постоишь с нами.

– Да нафиг надо, – говорю им. – Холодно.

– Да пошли, интересно же тебе, «пиджаку», армейским воздухом подышать.

– Ну пошли.

Мы и пошли.

Очень скоро я пожалел о своём согласии. Конец октября, мелкий снежок вперемежку с дождиком. Раннее утро, стоим,

как придурки, на плацу, ждём командира. А я вообще идиот, потому что поддался на эту авантюру. Холодно до одури. За спиной кто-то втихаря курит. Тянет противным сигаретным дымком.

Приходит командир. Курильщики проглотили окурки, не иначе.

– Товарищи офицеры!.. – и начинает речь толкать.

Стоим.

– Кто там ржёт в задних рядах?! Медики, небось?!

Стоим.

Командир видит мою фуражку и багровеет.

– Это кто там не по форме одет, мать вашу?! Выйти из строя.

А форма у меня была другая. В части, где располагалась лаборатория, такую форму носили только как парадную. То есть китель, брюки со стрелками, фуражка. Вокруг меня одни «пятнистые» в кепках, один я в фуражке. Белая ворона.

Нас, сэловцев, за эту форму даже за глаза эсэсовцами называли. Ещё и функции у нас были карательные. Эсэсовцы и есть.

– Вы что там, не слышали?! Выйти из строя!

И вот тут у меня случился конфуз. Я же не умею выходить из строя. Меня никто не учил. А медики ржут и выталкивают меня вперёд. Выхожу так, отбиваясь.

– Лейтенант Иванов!

И половина построения уже ржёт. Потому что «пиджак».

Не так стоит, не так говорит. Суки! Я вам ещё вспомню!

– А-а, сэловец, – грустнеет командир. – Ну ладно. Стать в строй.

Я проталкиваюсь обратно, по дороге злым шёпотом обещаю коллегам анальные кары.

Командир морщится мне в спину. Он и рад бы высказаться по поводу моей пиджаковости, но вспоминает, что я у него в столовой на прошлой неделе кишечную палочку с посуды высеял. И настроение у него неумолимо портится. И он начинает отрываться на подчинённых.

– Старший лейтенант Петров, как стоите?! Что это за поза бабы с веслом. А ну, смир-р-рна!!!

Командир косится на меня и идёт дальше проверять личный состав. Подходит к капитану-хирургу из медроты.

– Товарищ капитан, почему не бриты?!

Тот вытягивается по стойке смирно.

– Не побрился, товарищ подполковник!

Командир опять косится на меня. Ему явно неуютно. И начинает орать.

Орал минут двадцать. И всё это время нам на головы падал мелкий снежок вперемежку с дождиком. И вороны на деревьях, растущих вдоль забора части, отзывались карканьем, на каждую особенно громкую ноту в голосе командира.

В итоге медики говорят:

– Паша, ты не ходи больше на построение. Ты чего-то командира нервируешь.

Я и не ходил больше. В самом деле – чего его нервировать?

Учёба с повышением

Через год службы в армии меня послали учиться. Кто-то из начальства решил, что шести лет в университете и года интернатуры недостаточно и надо бы ещё добавить специализацию. Ну ладно, учиться – не работать. Тем более что за неделю до учёбы мне позвонил командир.

Я в это время ехал на проверку в одну из частей. Очень эпично ехал. Транспорта у части не нашлось, поэтому я впёрся с ящиками, полными пробирок, в общественный транспорт. Пассажиры покосились на меня и, на всякий случай, отсели от меня подальше.

И тут в кармане затрезвонил телефон. Я увидел на экранчике, что звонит командир, и встал по стойке смирно посреди автобуса. Рефлекс, чтоб его!

– Слушаю, товарищ полковник!

– Гушинец! – рявкнула трубка.

Пассажиры автобуса в панике заозирались. Мужчины ощутили острую потребность встать рядом со мной по стойке смирно и увидеть грудь третьего в строю.

– Гушинец, ты же у нас столичный? – издалека начал командир.

– Никак нет, товарищ полковник! – бодро отрапортовал я.

Командир на секунду завис. Но потом так же жизнерадостно рявкнул:

– Ну так жена у тебя столичная?!

– Тоже нет, – пожал плечами я.

Командир задумался ещё на секунду.

– Короче, кончай выпендриваться! В отделе эпидемиологии место освободилось. К переводу в столицу готов?

– Так точно, товарищ полковник! – жизнерадостно рявкнул я.

Пассажиры посмотрели на меня, как на сумасшедшего, потихоньку потянулись к выходу.

Через три дня в мою лабораторию свалилась проверка из столицы. Проверку приняли как полагается, и на середине второй бутылки подполковник с седыми висками ещё больше меня обнадёжил:

– Ты, лейтенант, совсем в своём лесу нюх потерял. Вот переведут тебя в столицу, в мой отдел, драть буду нещадно! Мигом службе научишься.

«Точно переведут», – обрадовался я.

Прошли выходные. В понедельник сижу себе спокойно, в микроскоп стафилококков разглядываю. А тут – звонок!

– Гушинец! – стафилококки в мазке встали по стойке смирно. На экранчике – замкомандира подполковник Авраменко.

– Я, товарищ подполковник!

– Гушинец, ты почему не на учёбе?!

«На какой учёбе? О чём он вообще?»

– Тебя что, не предупредили?! – грохочет подполковник.

– Никак нет!

– Три минуты тебе на сборы! И чтобы через полчаса был в столице! Тебя определили на двухмесячные курсы переквалификации.

Однако. Бросаю стафилококков и недолеченного ефрейтора, мчусь в объятия позабытой альма-матер. На кафедре эпидемиологии разводят руками. Никаких курсантов они не ждут. Бегаю из кабинета в кабинет, пока одному профессору не приходит в голову светлая мысль:

– Может, на кафедру микробиологии позвонить? Туда сегодня какие-то военные приезжали.

– Зачем микробиология? Меня же в эпидемиологи просят, – удивляюсь я. – Через неделю переводят в эпидотдел Центра.

– Ничего не знаю, – разводит руками завкафедрой.

Тут в его кабинет влетают капитан и два лейтенанта.

– Паша, здорово, а мы тебя второй день ищем.

Ага, курсанты из других сёлок. Хорошо, нескучно будет.

Короче, кадровики что-то перепутали и отправили меня на двухмесячные курсы по микробиологии. Командир звонил в управление, что-то там орал про нецелесообразность, но его уже не слушали. Военная машина повернулась, и мнение шестерёнок уже никого не интересовало.

Ну и ладно.

Я снова почувствовал себя студентом. Давно забытое, но в чём-то приятное ощущение. И преподаватели знакомые, и коридоры родного университета. Расслабился, забыл, что я уже военный и на плечах моих погоны. Но мне быстро напомнили.

На третьей неделе учёбы я заболел. То ли промок под мерзким осенним дождём, то ли в автобусе начихал на меня какой-то гриппозный. Но приполз под вечер домой и без сил свалился на диван, прямо не снимая формы. Вырубился мгновенно и проспал почти до десяти вечера.

Просыпаюсь уже в темноте. Жена возится на кухне, что-то готовит. Выхожу в коридор, нащупываю в кармане плаща мобильный телефон. Три пропущенных звонка. Один от завкафедрой военной эпидемиологии, другой от его зама, подполковника Белоногова. Перезваниваю завкафедрой – не поднимает трубку. Звоню Белоногову. И тут же вместо приветствия на меня из трубки обрушивается трёхэтажный мат. Орал подполковник минут сорок. Был он, судя по голосу, нетрезв, но в пьянстве обвинял почему-то меня. Мол, только смертельно пьяный человек не мог услышать звонка от самого подполковника Белоногова.

Из кухни вышла жена. С первого взгляда поняла ситуацию, взяла меня за руку, села рядом и шепчет:

– Повторяй: виноват, дурак, исправлюсь. Слышишь? Виноват, дурак, исправлюсь.

Подполковник выговорился, и я наконец-то смог уловить

суть. Оказывается, надо завтра подъехать на кафедру, забрать какую-то бумажку.

– Задачу понял? – на прощание рявкнул Белоногов.

– Понял, товарищ полковник.

– Не слышу бодрости в голосе!

– Понял, товарищ полковник!!!

– То-то же.

Я отключил телефон и ещё долго сидел, размышляя. Мне ведь скоро тридцать лет. Я почти взрослый, серьёзный человек, который выполняет важную и ответственную работу. Эта работа действительно приносит пользу обществу, и значит, я полезный для общества индивидуум. И только что на меня больше часа орал нетрезвый и абсолютно неправый человек, а я не мог ему ответить, потому что в его власти было устроить мне кучу неприятностей. А он это знал и орал от этого ещё яростнее, наслаждаясь создавшимся положением. Причём от криков его не было никакого проку. И если бы он сказал всё тихо и двумя фразами, он добился бы гораздо большего эффекта. А теперь я, как оплётанный, а он, видимо, доволен. И вся разница между ним и мной, что у него на погонах звёздочки чуть-чуть побольше. И всё.

Может, в этом и есть сакральный смысл армии, непонятный нам, «пиджакам»?

Осада

География рождения курсантов военно-медицинского факультета такова, что если бы взялся какой-то исследователь её анализировать, то мог бы написать целый труд под названием «Военная помощь Советского Союза странам третьего мира». И его труд, несомненно, тут же засекретили бы. Мой сослуживец Саша родился в Алжире, Вадим – в Ливии, Коля – в Чехословакии. Ромка был «свой», он родился на Чукотке, но в школу пошёл сначала в Киргизии, потом в Германии. Истории каждого заслуживают отдельного рассказа. Но встретил я на днях одного майора медицинской службы, и рассказал он мне следующую историю своего детства. Может, и открыл он какую-то замшелую военную тайну. Но за давностью лет простят ему.

Отцом Вовка гордился. Отец был офицер-десантник, высокий, громкогласный, сильный, полная грудь значков и медалей. Таким отцом будет гордиться любой советский мальчишка. И Вовка искренне не понимал, за что отца не любят ребята, с которыми он ходит в школу. И за что не любят его, Вовку. Ведь он такой же, как они. Тоже играет в футбол, читает Фенимора Купера и Роберта Стивенсона. А то, что иногда не понимает, о чём они говорят, – так это чепуха.

И отец. Он ведь такой красивый, сильный. А когда идёт по улице, сжимая Вовкину ладонь, то встречные старухи злоб-

но шипят вслед, а некоторые даже плюют себе под ноги. А отец будто не замечает. Вовка много раз спрашивал: «Зачем они так с нами?» Отец отшучивался. Мол, вырастешь – поймёшь. А пока лишний раз из военного городка не выходи. И вообще – без взрослых лучше в город не выходи.

Вечером, в конце декабря 1991 года, командир части собрал всех офицеров в своём кабинете.

Вовкин отец рассказывал:

– Набилось, как сельдей в бочке. Стоим, дышать трудно. Тридцать человек в одной комнате. Все уже, конечно, знают. Дома радио и телевизор, не в степи живём. Молчим, ждём, что командир скажет. И он молчит.

Наконец прокашлялся. И сипло так начал:

– Товарищи офицеры, с сегодняшнего дня Союза не существует. А значит, мы с вами теоретически находимся на территории предполагаемого противника. Возможны провокации и даже нападения на часть. Поэтому приказываю: выдать личному составу автоматы, бронежилеты и максимальный запас боеприпасов. Усилить караулы.

Повисла пауза. Наконец откуда-то из угла донёсся притиснутый широкими спинами голос зампотылу:

– Нас эвакуируют или самим придётся пробиваться?

– Приказов на этот счёт пока не поступало, – ответил командир. – А значит – стоим на месте.

Часть зашевелилась. Всем солдатам выдали оружие, гранаты. Отменили отпуска. Семьи военнослужащих, прожива-

ющие в городе, были экстренно эвакуированы на территорию части и размещены в казармах. Вовка помнит, как тихонько плакали матери, прятали свои слёзы, чтобы не показывать мужьям, у которых нынче другие заботы. Для детей это всё было какая-то игра. Было даже интересно и весело.

По улочкам военного городка солдаты ходили чуть ли не целыми отделениями. В сторону жилых кварталов, ставших вдруг враждебными и чужими, развернулись пулемёты.

Через пару часов в кабинет командира постучался его заместитель, майор Н.

– Товарищ командир, есть ещё одна проблема, – капитан положил на стол командиру список. – Рядовые Кахадзе и Бурошвили, сержанты Кравчук, Ясюкайтис и старший сержант Акопян. И так далее. Всего двадцать четыре человека. Кем их теперь считать?

– Вот, блин! – командир в сердцах стукнул по столу кулаком. – До особого распоряжения считать всех вышеперечисленных русскими солдатами!

Поздним вечером к стенам воинской части подъехали две тонированные шестёрки, из которых вышло почти полтора десятка местных жителей.

«Началось», – подумал Вовкин отец.

– Оккупанты! – крикнул один из гостей. – Оккупанты, убирайтесь!

Часть ответила молчанием. Местные прошлись насчёт их матерей, насчёт того, что сделают с жёнами, если военные

немедленно не сдадут оружие.

– Эй, русские, убирайтесь!

– Пошли на х...! – не выдержал осетин Закурдаев.

– Закурдаев, молчать! – грозным шёпотом рявкнул старший лейтенант Кузнецов. – Отставить поддаваться на провокации!

– Есть отставить поддаваться на провокации, – ответил рядовой.

И не поддавались больше. Даже горячие «русские» с Кавказа.

– Ты спросишь меня, о чём я думал тогда? – спрашивает Вовка. – Не поверишь, я думал об упаковке новеньких фломастеров, которые я на пару дней одолжил однокласснику. Рисовать. Беспокоился, чтобы он не потерял мой любимый, фиолетовый. Кстати, этих фломастеров я так и не увидел. Отец больше не пустил меня в школу, а одноклассник, само собой, не принёс.

Две недели часть сидела, вооружённая до зубов, целясь из автоматов в ставший вдруг враждебным город. Местные веселились, праздновали, ходили вокруг части с национальными флагами. Кричали оскорбления в сторону забора. Но оттуда на них смотрели свирепые кавказские, азиатские и славянские лица, подкреплённые дулами автоматов, поэтому, к счастью, дальше криков и оскорблений дело не дошло.

А однажды вечером отец переоделся в гражданскую одежду, собрал чемоданы и повёл семью на вокзал, чтобы отпра-

вить Вовку с матерью к бабушке, в Воронеж. С ними вышли из части три солдата и прапорщик Бриедис, тоже в гражданской одежде.

– Перед выходом из части мама серьёзно посмотрела мне в глаза и сказала: «Ни в коем случае не заговаривай со мной по-русски. Лучше молчи». И я молчал всю дорогу до вокзала. Мы уехали, а отец остался. На перроне он так крепко обнял нас с матерью, что мне стало больно. Но я молчал. Это было, как в кино про войну. Только в кино уезжали мужчины, а женщины и дети оставались их ждать.

Они ещё один раз вернулись. Почти через полтора года, когда большие начальники договорились о механизме вывода войск с территории новоиспечённых независимых государств. Мать не хотела брать Вовку с собой, но он давно не видел отца, поэтому умолял, пока она ни согласилась.

– Я помню, как на вокзале стояли несколько составов с вооружённой охраной. Вокруг шныряли местные, пытаясь что-то стащить. Не хватало составов, вагонов, брезента, людей. И военные оставляли нажитое барахло, чтобы затащить в вагон ещё пару двигателей от БТРа. Ещё думали, что кому-то это понадобится, кто-то оценит. Да и не могли по-другому. Я сейчас читаю в Интернете: мол, не так всё было, – говорил мне Вовка, а нынче Владимир Николаевич, майор медицинской службы. – Мол, уходили неспешно, затянули процесс вывода на два-три года. Не буду спорить. Детское восприятие отличается особенностями, а спустя столько лет какие-то

детали стираются из памяти и на смену им приходят другие. Но мне почему-то вспоминается суэта, беготня на грани паники. И то, как на прощание прапорщик Иванов выбил в казарме половину стёкол.

Традиции

В каждой воинской части есть свои традиции. Они делятся на официальные и неофициальные. Официальные связаны с какими-нибудь важными событиями. Например, выводом личного состава части из Афганистана или, если часть совсем уж древняя, участием её в каком-нибудь событии Второй мировой.

Праздники официальной традиции скучны и однообразны. Громкий парад личного состава. Концерт самодеятельности в Доме офицеров. И пьянка, само собой, под личиной банкета.

Неофициальные традиции породил сам народ в сапогах. За сто дней до приказа дембеля перестают есть масло и отдают его «духам». Игра в «дембельский поезд», когда одни молодые раскачивают койку «деда», другие монотонно повторяют «чух-чух-чух», а третьи периодически пробегают мимо, типа проносятся за окном поезда станции и пешеходы. Ну, «ДМБ» все смотрели, представляете. «Сушат крокодила» – это когда «дух» висит, упираясь руками и ногами в дужки кровати. «Сдают вождение» – когда «духи» бегают вокруг «деда», телом и голосом изображая различные транспортные средства. Да и чего только не придумывает скучающий мозг «дедушек»!

Командира нашей части, полковника Миронова, эти тра-

диции бесили неимоверно. Даже самые безобидные, типа создания дембельских альбомов. Не раз командир устраивал среди дембелей шмон и с яростью отдирали от «выпускной» формы всякие украшалки, типа лишних шевронов и аксельбантов.

— Вы же бойцы, защитники Родины, а не клоуны, мать вашу! — орал командир. — Да как вам не стыдно в таком виде показываться гражданским?

И в откормленные морды дембелей летела тесьма, значки, фуражки и сапоги. Грозен был командир. Боялись его, терпели многое.

В пятидесяти метрах от штаба стояла баня. А что должен сделать боец после того, как последний раз помоемся он в казённой бане? Правильно — с воплями бросить мочалку в небо, и лучше всего, если мочалка эта повиснет на ветвях ближайшего дерева. Каждые полгода прапорщики и сержанты с матами лезли на раскидистую ольху возле бани и снимали полсотни застрявших в ветвях мочалок. Одна, особенно подлая, повисла на самом краешке ломкой высокой ветки и провисела там почти два года, пока не сгнила или не утащила её в своё гнездо предприимчивая ворона.

Как бесился командир! Стоянка автомобилей, на которых военные приезжали в часть из города, располагалась как раз за баней. И каждый раз вечером и утром подполковник был вынужден лицезреть висящие на ветвях мочалки.

За месяц до последней помывки сержанты начинали про-

водить подготовку:

– Бойцы! Если после бани пятого числа какая-нибудь сволочь бросит мочалку на дерево и станет орать – будете у меня всю ночь бегать по стадиону.

Угрозы не помогали. Не срабатывал авторитет сержантов и командиров рот. Мочалки неизменно висели на ольхе, и от этого она напоминала какое-то экзотическое дерево. Ведь есть же пробковое, хлебное, почему не быть мочалочному дереву?

Однажды командир не выдержал. И решил сам проконтролировать процесс. Перед последней баней выстроил на плацу личный состав и грозно заявил:

– В целях борьбы с неофициальными традициями и неуставными отношениями приказываю мочалки на дерево не бросать, после бани нецензурно не выражаться. Понятно?!

– Понятно, – угрюмо ответили солдаты.

– Не слышу?!

– Понятно! – уже привычным рывканьем отозвалось подразделение.

– За проведением последней помывки буду следить лично.

И не соврал. Выходят солдаты из бани, а командир стоит под ольхой со всем своим штабом, курит и грозно на бойцов смотрит. Подразделение построилось. Все молчат.

– Рота, напра-а-а-во!

Солдаты поворачиваются, проходят мимо ольхи. И тут один не выдерживает.

– А хрен с ним, с этим стадионом. Пацаны, дембель, бля!!!

И в воздух летит первая мочалка.

Подполковник вздрагивает, принимает грозный вид, но все солдаты уже переглянулись, радостно заорали. И усеяли несчастную ольху, а с ней и командира мочалками.

Традицию не искоренить.

Неудачный день соседа

Один мой товарищ очень не хотел служить в армии. Вы скажете: никто не хочет, чего тут необычного? Дело в том, что к моменту осознания, что он не хочет служить в армии, мой товарищ уже дослужился до капитана медицинской службы и занимал немаленькую должность.

И тут на каком-то застолье с друзьями и родственниками этот капитан знакомится с главным врачом одной частной клиники. И тот по секрету сообщает ему, что через месяц готовится открывать в своей клинике хирургическое отделение. И Володю разрекламировали ему как хорошего специалиста и ответственного работника. Главврач, прихлёбывая коньяк, рисовал перед капитаном радужные перспективы: отдельный кабинет, вежливых дорогостоящих пациентов, симпатичных медсестёр, новейшее оборудование. И зарплату. Такую зарплату, от которой у честного медика затряслись руки.

Володя сидел и грустнел на глазах.

– Что тебя не устраивает? – спросил главврач. – Маленькая зарплата? Так потом клиентов станет побольше, прибавлю ещё.

– Да кто ж меня из армии отпустит-то? – уронил скупую слезу капитан.

– Армия – это хорошо. Но жизнь надо устраивать, – муд-

ро сказал главврач и согласился подождать Володю пару месяцев.

Капитан кинулся к командиру.

– Товарищ полковник, так сложились обстоятельства, что мне необходимо досрочно покинуть доблестные ряды Вооружённых Сил.

Командир посмотрел на медика, как на сумасшедшего.

– Капитан, ты что, на солнце перегрелся? У тебя контракт.

– Ну товарищ полковник, – заныл Володя. – Ну тут такая возможность.

– Иди служи, – с нажимом сказал командир. – И нечего тут.

А чтобы морально поддержать мятежную душу молодого офицера, назначил ему пару наказаний.

Володя приуныл. Служба, совсем недавно сносная и относительно интересная, показалась ему скучной и бесперспективной. Черда солдат-пациентов с одинаковыми потёртостями от кирзовых сапог, вросшими ногтями, подкожными абсцессами. Короче, полное болото для хирурга. Обстановку подогревал и главный врач клиники, который чуть ли не ежедневно звонил Володе и рассказывал, как на собеседование на вакансию хирурга ломятся всё новые и новые кандидаты.

Володя решил зайти с другой стороны. Написал жалобное прошение в Министерство обороны. Мол, жить негде, зарплаты не хватает. Отпустите. Из Министерства мигом при-

мчался грозный подполковник и натянул Володю так, что тот почти на неделю забыл о своих планах. Его клеймили на каждом офицерском собрании. Мол, предатель, беглец и всё такое.

Родина не отпускала.

С горя Володя пошёл к знакомому начальнику медицинского пункта – многоопытному старшему прапорщику. Прапорщик в войсках провёл полжизни, поэтому знал все лазейки и выходы.

– А ты напейся, – посоветовал прапор. – И морду кому-нибудь набей. Только несильно, чтоб без тяжких телесных. Тот настучит на тебя, куда следует – по нашим законам впаяют тебе пятнадцать суток или условное. Тебя твой главврач с условным возьмёт?

– Не знаю, – растерялся Володя.

– А ты уточни! Я думаю, что возьмёт. А вот в рядах наших Вооружённых Сил такого капитана, который опорочил честь и совесть армии, точно терпеть не будут. Вышибут, как из пушки.

– Страшно как-то.

– Ты на гражданку хочешь? – душевным шёпотом спросил прапор.

– Хочу, – кивнул головой капитан.

– Тогда ищи, кого будешь бить. Только не вздумай меня выбрать. Мигом в нос получишь, – и прапор погрозил офицеру увесистым кулачищем.

Володя сел думать. И оказалось, что и нет у него врагов, которым под пьяную руку хочется врезать. Разве что командир и полковник из министерства. Но этих опасно. Могут что-нибудь похлеще пятнадцати суток впаять. Вот зампотылу в прошлом году вместо служебной квартиры выделил комнатёнку в общежитии камвольного комбината. Может, ему врезать? Так он половину молодых специалистов туда засовывает. У него с комендантшей общежития целый бизнес.

Бухгалтерша, паразитка, каждый месяц затягивает с выдачей финансов. На неделю, а то и на больше. Поговаривают, что прокручивает за это время деньги по каким-то своим серым схемам. Но бухгалтерша – женщина. Не будет же офицер бить женщину! Даже за деньги.

И тут, словно в ответ на Володины мысли, за стеной взвизгнул перфоратор. И доктора осенило. Сосед!

С соседом у Володи давно были нелады. В самом начале службы тот настучал на будущего военного хирурга. Мол, слишком шумно отмечали офицеры назначение новичка, да ещё посмели его не пригласить. На второй же день службы у Володи были неприятности из-за этого с командиром.

На одной жалобе сосед не остановился. Через месяц наклеял жалобу комендантше, что молодая семья за стеной слишком шумит по ночам. Комендантша, тётка скандальная и громкая, пришла разбираться. Володина жена краснела и заикалась, когда коменда на весь коридор осуждала интим-

ные подробности их жизни. И понеслось. То громко кашляют, то телевизор после одиннадцати смотрят, то запахи от них неприятные.

Володя честно пытался договориться. Но сосед, сорокалетний мастер с камвольного комбината, даже слушать его не стал. Наоборот, написал жалобу, что капитан ему угрожал. Ещё и хвалился потом. Мол, ничего ты мне, сапог, не сделаешь! Если что – я тут же новую жалобу твоему командованию напишу. О том, что ты, пьяный, пытался на меня физическое воздействие оказать. И полетишь ты со своей должности как фанера.

Причём сам сосед себя не стеснял. Мог и в стену молотком постучать, как только пробило полночь, и Михаила Круга в сумерках врубить. А когда Володя, в свою очередь, приходил жаловаться комендантше, ему вежливо напоминали, что общежитие принадлежит комбинату, а они, военные, тут на птичьих правах.

Сосед снова взвизгнул перфоратором, и полка с медицинскими справочниками затряслась от его усилий. Капитан достал из холодильника заначенную бутылку коньяка, махом опрокинул полстакана и пошёл в гости.

В общем, не повезло в тот день соседу. Не его был день.

Ручки, блокноты и другие лекарства

Аптечные истории

В настоящее время моя работа связана с аптеками. Постоянно мотаюсь по всей стране, контролирую сотрудников, помогаю им в сложных вопросах, короче руковожу.

Однажды решили с одним из подчинённых покреативить и отправиться в командировку по области. Как-никак 30 % продаж происходит в аптеках райцентров, а у нас там конь не валялся. Составили список городов, аптек, гостиниц и поехали.

Приключение вышло ещё то. В сумерках в каком-то лесу едва не покатали на капоте кабана, буржуйский навигатор обманул нас и с дороги привёл на какую-то гравийку. Пришлось узнавать дорогу у местного деда Талаша, который подозрительно поглядывал на нашу немецкую машину и вспоминал, куда он в 45-м пулемёт закопал. Коллега вышел по малой нужде и в темноте нащупал столб с предупреждением о радиационном заражении. Короче, было весело.

Утро встретили в крошечной гостинице райцентра и к восьми часам уже ждали открытия ближайшей аптеки.

Городок нехотя просыпался. Тишину типичных улочек советских пятиэтажек изредка нарушали одинокие автомобили. А у аптеки уже выстроилась нервная очередь. Две-три классические бабушки, ведущие оживлённый разговор ни о чём, полдесятка маргинальных личностей, мучающихся похмельем, и два опухших типа в костюмах и галстуках – мы с сотрудником.

Бабки поглядывают на нас подозрительно, перешёптываются. Видно, за свидетелей Иеговы принимают. Маргинальные личности молча страдают. На крыльцо выходит зевающая дама-провизор, здоровается с бабками.

– І табе здароўечка, Пятроўна!

– Памагі табе Бог!

Волна оживления пробегает по очереди. Провизор открывает дверь, и бабки тиграми бросаются вперёд, расталкивая нерасторопных страждущих. Мы с сотрудником пропускаем всех и становимся в хвост очереди. Им нужнее.

Прямо перед нами оказывается тоскующий мужичок неопределённого возраста. От него плохо пахнет, умывался он последний раз дня три назад и спал в той же одежде, в которой пришёл в аптеку. Причём спал явно на асфальте. Бабки закупаются мешками лекарств, готовясь к зомбиапокалипсису, выносят мозг провизору и с чувством выполненного долга отваливаются. Начинается выдача боярышника. Мужичок нервничает, видя, как заветные флакончики тёмного стекла переходят в руки его товарищей по хмелю. Он

беспокойно переступает с ноги на ногу, причмокивает губами, томится. И, видимо решив скрасить затянувшееся ожидание, обращается к нам:

– Проверка? – вот так, без здрасьте-досвидания.

– Нет, мы по другому делу, – отзываюсь я.

– Ясно, – кивает головой мужичок. – А у нас тут – вон оно как...

И он с такой гордостью обводит рукой аптеку, словно сам принимал участие в её создании.

– Красиво, – отвечаю я.

Мужичок доволен и проникается к нам доверием.

– Может, мы это. Возьмём сейчас боярышника и посидим, как люди.

– Спасибо огромное за предложение, но нам ещё работать сегодня. Да и за рулём мы.

– Жаль, – искренне расстраивается мужичок.

Но тут подходит его очередь, он дрожащей рукой меняет тарелку тусклой липкой мелочи на три заветных флакончика и, не удержав томления, залпом осушает одну, не отходя от кассы. Под щетинистой кожей судорожно дёргается кадык. По лицу расплывается блаженство. Мужичок подмигивает нам.

– Э-э, Василич, а ну завязывай бухать в аптеке! – кричит из-за стекла провизор.

Мужичок улыбается, лихо сбивает шапку на лоб и уходит в рассвет.

Поработав в аптеке, выбираемся на крыльцо. Серое утро. Впереди десятки аптек, дорога, три городка.

– Надо было соглашаться на его предложение, – шутит (или не шутит) сотрудник.

– Это ты виноват, – расстроено бурчу я. – Не побрился с утра и пиво вчера весь вечер пил, вон какая физиономия опухшая.

– На себя посмотри, – парирует коллега.

Мы грустно идём к машине. А откуда-то издалека уже доносится весёлая песня нашего недавнего собеседника.

В очередь!

Приезжаю с утра в поликлинику. На стоянке перед крыльцом выстроились в ряд пять одинаковых хэтчбеков «Шкода-Фабиа» белого и синего цвета, сиротливый красненький «Дэу-Матис» и гордая золотистая «Мазда-Берлин-Хеми». Судя по номерам «Шкод», мои основные конкуренты КР-КА и «Нобел» уже на месте. Ну, кыркковцу простительно: у него регионал-зверь по утрам перед поликлиникой в кустах с секундомером дежурит. И штрафует, если опоздал больше, чем на пять минут. А остальные-то чего так рано припёрлись?

Поднимаюсь в терапевтическое отделение. Четыре представителя рысцой носятся по коридорам, нарываясь на грубости пациентов. Мелькают лифлеты, галстуки. Доносятся обрывки накрепко впечатанных в мозг шаблонных ключевых фраз: «Наш препарат самый препаратистый...», «Период полувыведения на три часа больше.» Включаюсь в рабочий темп. Один врач, второй, третий, седьмой.

Наконец устало усаживаюсь перед кабинетом заведующего терапией. Конкуренты уже здесь. Тоже сидят, отдуваются. Начинаем общаться. Пациенты рядом. После двух вспышек наступает шаткое перемирие. Устанавливается очерёдность. Пациент-медпред-пациент-медпред.

Тут в конце коридора появляется деловая дама. Взгляд се-

рьёзный, в руках строгая папка без логотипа. Но рыбак рыбака за километр чувствует. Такая же представительница, как и мы. Цокает каблучками, невозмутимо заходит в кабинеты. Две-три минуты, и цокает дальше.

Подходит к кабинету заведующего и рвётся к двери. И тут дорогу ей преграждает пожилой мужичок, только что рассказывавший анекдот «Солвею».

– Девушка, а вы куда? Тут очередь.

– Мне только спросить.

– А очередь из тех, кому только спросить – вот здесь, – и мужичок кивает на ряд представителей.

Улыбаемся даме, машем руками, предлагая присоединиться к нашей компании.

Дама гордо игнорирует наше предложение, задирает носик, тыкает пальчиком в экран планшета, отмечая визит в CRM, и уцокивает по коридору.

– «Баер», наверное, – негромко говорит КРКА.

– Да какой «Баер»! – смеётся Берлин-Хеми. – С таким горором явно какие-нибудь индусы.

Жертва рекламы

В отделе хаос и полный цейтнот. В пятницу притащили кипу документов по новым препаратам урологического направления. Сделать аналитику, как всегда, как можно быстрее. Ну я же ответственный, поэтому приволок всё это добро домой и в субботу, пока семейные дрыхли, набросал кое-какие тезисы.

Проснулась жена, приготовила завтрак и уселась за освободившийся домашний компьютер. Через некоторое время зовёт.

– Ты чем тут, пока мы спали, занимался?

– Работал, – отвечаю.

– Ага, работал он, – жена кивает на экран.

А там: «После приёма этих капель мой парень может три часа!», «Как меня любили всю ночь!», «Одна таблетка – и у меня стоит!». Короче, целая куча рекламы соответствующего направления.

– И историю почистил, извращенец? – хмурится супруга.

Пришлось оправдываться и показывать ей документы на новые препараты от простатита и эректильной дисфункции.

Хорошо, хоть дочь первая за компьютер не полезла. А то пришлось бы объяснять про капусту и аистов.

Когда религия – опиум

Я стараюсь лояльно относиться к представителям любой конфессии. Будь ты хоть иудей, хоть кришнаит или пастафа-рианец – лишь бы человек был хороший. Хочешь брить голову и петть посреди улицы под барабан – пожалуйста, хочешь фотографироваться на паспорт в дуршлагае на голове – замечательно, хочешь отрастить дреды и петть регги – поделись тем, что ты куришь, не будь жмотом. Только не пытайся навязать мне свои взгляды на жителей вселенского пентхауса.

Ну и как-то везло мне с этой темой. Когда в наш город приехали адепты Аум Синрикё с портретами Сёко Асахары и десятками вербовали подростков, я пил пиво в подъезде и не пошёл. Сектанта «Белого братства», привязавшегося к нашей стайке гопников, мы едва не отпинали ногами, потому что он принялся упрекать нас за курение. А потом мой подростковый период миновал, появилось немного мозгов и сектантам стало со мной неинтересно.

Свидетелей Иеговы знают все. Это сейчас они уже всем надоели и их не стесняются прогонять прочь. А в конце 90-х они были ещё в новинку. По крайней мере, в нашем небольшом городке.

Одним промозглым осенним вечером в приёмное отделение больницы, где я работал санитаром, поступил звонок.

Две скорые везут десяток людей, угоревших в частном доме. Для нашей больницы, к сожалению, не редкость. Половина города – частный сектор, и не новомодные коттеджи, а обычные деревенские избы с печным отоплением. Каждый год с началом отопительного сезона в нашу реанимацию попадали старики, преждевременно закрывшие выюшку или забывшие, когда в последний раз чистили трубу. Реаниматологи своё дело знали и почти всех спасали.

Так что случай, в общем, банальный, только жертв очень уж много. Ну, разбудили врачей, привезли на такси отдыхавшую смену. Ждём.

Распахивается дверь! Вопли, плач, крики. Приёмное мгновенно превращается в базарную площадь. Что не удивительно. Угоревшие редко лежат тихо. Обычно это плохой показатель – средняя или тяжёлая степень. А пациенты с лёгкой степенью отравления, наоборот, бывают весьма шумными, подвижными, у них слуховые и зрительные галлюцинации, рвота, кашель.

Реаниматологи носятся как угорелые. Пару особенно тяжёлых подключают к аппаратам, остальным колют антидоты. Между делом выясняется, почему пациентов так много. Оказывается, это собрание Свидетелей Иеговы. После вечерней молитвы они собрались в доме одного из адептов, о чём-то поговорить, да и переночевать. А хозяин по рассеянности заслонку печки и закрыл.

Одной из особенностей данной религиозной организации

является полный запрет на некоторые медицинские процедуры. В частности – на переливание крови. И вот одна из поражённых женщин внезапно открывает глаза, видит перед собой суесящихся людей в белых халатах и начинает истошно кричать:

– Нет! Только не переливайте мне кровь! Это нельзя делать!

А толпа, одурманенная угарным газом, – это весьма впечатлительное сообщество. Достаточно было заорать одной, как через минуту уже десяток пациентов вопили и скандировали:

– Нет! Только не кровь! Кровь! Кровь!

Хотя никто, в принципе, им ничего переливать не собирался.

Жуткое, я вам скажу, зрелище. В полутёмной приёмной райбольницы, которой три столетия, под сводчатым потолком сидит угрюмая толпа и глухими голосами повторяет:

– Кровь! Кровь!

Идиллию нарушили заведением и два хирурга – здоровенные дядьки, привыкшие работать руками. Они мигом вычислили провокаторшу, погрузили её на каталку и отволокли в реанимацию. А на сектантов слегка наорали, что сбilo настрой толпы.

Через пару дней бледнолицые сектанты ходили по коридорам больницы в потёртых пижамах и раздавали в каждой палате свои брошюры. Главный врач грозился их выгнать за

нарушение режима, но упрямые религиозные борцы не сдавались и продолжали свою деятельность. Успели заманить в свои сети несколько санитарок. Так что ещё несколько месяцев в каждой мусорке больницы лежали яркий страницы «Сторожевой башни».

А годы спустя ехал я из командировки в Брестскую область. Поздняя осень. Подмораживает. Идёт промозглый дождь, который прямо на асфальте превращается в ледяную корочку. Тут вижу: посреди поля стоит бабулька и голосует. Так начинаются некоторые фильмы ужасов. Пустая дорога, поле... Откуда старушка? Притормаживаю.

Обычная бабка, в мокром пальто, от которого пахнет псиной, в цветастом платочке и с огромным чемоданом на колёсиках. На ведьму или вампира, вроде бы, не похожа.

– Милый, ты в Минск?

– Туда, бабушка. Садитесь, подвезу.

Помогаю загрузить неожиданно тяжёлый и грязный чемодан в багажник. Включаю печку посильнее – бабка явно замёрзла. Проходит минут десять в молчании, только из колонок негромко ноет Стинг.

И вдруг бабка вздрагивает, словно её включили:

– А ты в Бога веришь?

И тут я понял, что попал.

– Верю, бабушка.

– Не в того ты Бога веришь! – категорично заявляет старушка. – В неправильного. Мы тоже раньше в неправильно-

го Бога верили, а теперь пастор приехал и научил.

И начинает мне рассказывать историю, достойную голливудских страшилок. Деревня их в трёх километрах от трассы, то есть чемодан бабусяка волокла по раскисшей грязи. Обычная белорусская деревня, из которой бежит молодёжь и где остаются только старики. Церковь когда-то была, но после 39-го приехали какие-то товарищи из города и взорвали – один фундамент остался. На этом фундаменте уже в начале 2000-х православные возвели часовню, но своего священника в посёлке не было. Наезжал раз в месяц – крестил, женил, исповедовал.

А пару лет назад приехал в их деревню некий пастор. С невиданной быстротой построил большой кирпичный дом и начал проповедовать. Учение его напоминало одно из направлений протестантизма, но с каким-то сектантским уклоном.

– Сказал нам пастор: снимите со стен крашеные доски и принесите их к моему дому.

«Это она про иконы», – понял я.

– И принесли?

– Принесли, – радостно закивала старушка. – Развели большой костёр и стали в этот костёр раскрашенные доски бросать. И молитвы пели.

«Замечательно, – подумал я. – Дети кукурузы, чтоб их!»

Подумал: посадить старуху, что ли? Так ведь проклянёт, ведьма! Да и дождь сильнее пошёл. Замёрзнет – помрёт,

возьму грех на душу.

Бабулька вещает, сыпет фразами из Евангелия, цитирует по памяти большие куски.

«И деменция её не берет!» – поражаюсь я.

– А что батюшка сказал?

– А что этот еретик бородатый скажет?! – завелась бабушка. – Приехал, ругался, грозился милицию натравить. Но мы его прогнали. Мужики и побить пригрозились.

Чтоб как-то сбить разговор с религиозной темы, спрашиваю:

– А в Минск-то зачем едете? К внучке?

– Нет, милый. Я на вокзале переночую, а утром на Комаровку пойду (это большой минский рынок). Буду там слово нести и проповедовать. У меня и листы с собой в чемодане.

Я стиснул зубы и всю оставшуюся дорогу нарушал скоростной режим изо всех сил. На прощание старуха пыталась всучить мне несколько ярких листков, но была категорично послана. И ушла, даже спасибо не сказала.

А через пару дней поехал я на Комаровку. И ещё издали услышал гнусавый старушечий голос, распеваящий псалмы. Это была она, моя знакомая с трассы. За эти дни она слегка сдала: сказались бессонные ночи на вокзале. Из-под платка торчали немытые сальные волосы, но глаза горели прежним огнём фанатика.

Короче, будете ехать через Брестскую область, держите

оружие наготове. Где-то там, среди раскисших полей, зреет гнездо новоявленных «Пенсионеров кукурузы».

Сетевой маркетинг

Впервые в сетевой маркетинг меня попытались затащить на заре студенчества, когда на первом курсе медуниверситета я активно искал работу. Заманили на собрание в какой-то промозглый актовый зал полузаброшенного кинотеатра, где со скрипящей сцены важные люди в костюмах долго рассказывали, каким я буду богатым. Но как только в зале прозвучало волшебное слово «Гербалайф», я сбежал.

С тех пор чувствовал себя в этом деле умным и опытным и лишь смеялся в ответ на любые предложения из этой области.

Нельзя быть таким самонадеянным.

В недавнем прошлом работал я руководителем подразделения в известной немецкой фармацевтической компании. Из Германии мы крупным оптом возили лекарства и продавали их в отечественные аптечные сети. Всё легально, зарегистрировано в Министерстве здравоохранения, продаётся только через аптеки.

И вот один из наших сотрудников внезапно попал в сети одной псевдофармацевтической корпорации, не будем её называть, но в России она очень популярна. И человека как будто подменили. Ни о чём другом он говорить больше не мог. Любой разговор сводил к своей фирме и шикарным бонусам, которые нас ожидают, если мы подпишемся в эту сек-

ту. Постоянно описывал новые продукты, которые выпустил их завод, и какую пользу они приносят людям. Приносил на работу разные баночки и тюбики и давал всем попробовать. И зазывал, зазывал...

Каюсь, в один момент я дрогнул и поддался на его уговоры. Были финансовые проблемы из-за покупки квартиры, кредиты вопили и требовали ежемесячного кормления, и моей неплохой, в принципе, зарплаты катастрофически не хватало.

И я согласился.

Для начала мне позвонил молодой человек, представился региональным директором Игорем, непрерывно тыкал, всячески коверкал моё имя и звал на тренинг. С первой минуты разговора у меня возникло стойкое желание послать Игоря куда подальше. Ну, как-то я отвык от подобного общения с незнакомыми людьми. Тем не менее Игоря я внимательно выслушал, на тренинг не пошёл и в дальнейшем игнорировал его звонки.

Через два дня в мой кабинет буквально ворвался коллега, попавший в сети секты.

– Ты почему не отвечаешь на звонки Игоря?

– Знаешь, Роман, твой Игорь показался мне хамом и вызвал очень негативные эмоции. Поэтому передай ему, пожалуйста, чтобы он избавил меня от дальнейшего общения.

– Да ты не понимаешь! Игорь – гений! Он всего за два года смог построить крупнейшую в стране сеть и уже достиг

уровня серебряного директора (ну или бриллиантового, не помню уже).

– Пусть примет мои искренние поздравления. Но общаться с ним я больше не хочу.

Коллега выскочил из кабинета, чуть не хлопнув дверью.

Через полчаса мне позвонили. Очередной молодой человек представился Владимиром Николаевичем, начальником Игоря. Всячески извинялся за хамство подчинённого, был крайне вежлив и звал на тренинг. «Золотой директор» знал своё дело. Я оглянуться не успел, как зачем-то согласился.

Уже потом, когда вся эта эпопея закончилась, я сел и подумал, почему сектанты за меня так взялись. А всё было просто. На тот момент я поддерживал коммерческие контакты с руководителями крупнейших аптечных сетей, общался с медицинским начальством и имел неслабый опыт в продажах официальных лекарственных препаратов. То есть если бы я втянулся в секту и начал по своим каналам толкать фигню через фармацевтов и провизоров, то у регионального подразделения секты получились бы нехилые продажи. Ну и медицинское образование тоже на дороге не валяется.

В назначенный день я пришёл на тренинг. В большом помещении офисного центра собралась сотня человек, в основном пенсионеры и студенты. На трибуну вышел Игорь и начал вещать.

Минут через пять я понял, что мой студенческий опыт повторяется и пора сматываться. Человек, который занимался

продажей средств, помогающих от всех на свете болезней, не знал элементарных медицинских терминов, путал панкреатит с холециститом, предлагал лечить онкологию шаманскими средствами в виде порошка из оленьих рогов.

И что самое страшное – толпа внимала ему с благоговением! Вокруг меня сидели жители восточноевропейской столицы и слушали эту дичь с раскрытыми ртами! Ну ладно пенсионеры, у них маразм подступает. Но студенты! Молодёжь ведь у нас умная, с сознанием, незамутнённой коммунистической идеологией. Что ж вы отключаете свой разум, как только звучит слово «деньги»?

Игорь закончил выступление и на сцену поднялся «золотой директор» Владимир Николаевич. О препаратах он рассказывать не стал, а сразу расписал зрителям их доходы, если они вступят в секту. В доказательство он показывал какую-то выписку из банка. И утверждал, что это его доход за месяц. Толпа охала и кивала головами. Я присмотрелся к мутным цифрам на экране и ещё больше захотел оттуда свалить. Доход «золотого директора» за текущий месяц составил приблизительно 70 % моей зарплаты.

Владимир Николаевич закончил, ему бурно и продолжительно поаплодировали.

Последней на сцену вышла солидная дама. Она разделила зал на три группы. Первые две должны были остаться в помещении для каких-то игр. Третья получила задание – выйти сейчас на улицу и втюхать десяти первым встречным

прохожим какой-то флаер. К счастью, я попал в третью группу. Получил стопку флаеров и бросился наружу, чтобы бежать и не оборачиваться.

Не тут-то было! На выходе меня перехватил Владимир Николаевич.

– Здравствуйте, – радостно улыбнулся он. – А я вас давно заметил. Может, пройдем в мой кабинет и поговорим?

– Здравствуйте, – ответил я. – Владимир Николаевич, я внимательно выслушал вас и вашего коллегу и хотел бы задать вам один вопрос. Где можно посмотреть регистрационные документы на ваши препараты?

– Документы? – смутился «золотой директор». – Но ведь вы отлично знаете, что БАДы не требуют обязательной регистрации.

– БАДы? Но в выступлении Игоря ни разу не прозвучало это слово. Он неизменно называл вашу продукцию препаратами. Поэтому и возникла небольшая путаница.

– Так мы можем поговорить? – директор попытался вернуться в колею, но меня уже подхватила радостная толпа пенсионеров. Зомбированные бабульки спешили на улицу, разносить весть о чудодейственных средствах народу, втюхивать флаеры и творить добро.

– В другой раз, – пообещал я. И затерялся в толпе бабулек. Как я оттуда бежал!

Сетевики несколько недель брали меня измором. Они звонили по телефону. Присылали по почте «коммерческие

предложения». Заманивали красивыми картинками дорогих машин и домов где-то на лазурном побережье. Всё это должно было стать моим, если бы я только вступил в их секту.

Пришлось уйти в глухую оборону.

Коллега ещё месяц не сдавался. Решив, что финансовым благополучием меня не пронять, он решил призвать меня к клятве Гиппократ. Рассказывал о том, что надо помогать людям. Притащил какое-то чудное средство для очистки организма. После первой же таблетки меня неделю не отпускали стены одной тесной комнатки. Я сбросил килограммов пять и действительно почувствовал себя легче.

От дальнейших экспериментов над своим организмом я категорически отказался.

На тренинги больше не пойду. Наверное.

Добро пожаловать

Через несколько лет работы медицинским представителем я вырос до регионального менеджера. Начал ездить по стране, контролируя удалённо работающих сотрудников. И особенно любил Брест и Гродно. За близость к границе. Тогда ещё были отдельные пешеходные переходы и при наличии визы можно было недорого затариться в дьюти-фри соседей.

В пять вечера заканчиваю работу и еду из Гродно к границе. На переходе уже небольшая очередь из переминающихся мужчин. Все с пакетиками, как будто вечером в магазин собрались. Таможенники с обеих сторон работают, как автоматы. Пропускают сразу человек по пять.

– Цель вашего визит-та в Литву? – интересуется прибалтийский таможенник.

– Я это...

– А, пон-нятно. Чего я спрашиваю? – кивает таможенник, увидев в моих руках шуршащий пакет. – Добро пожаловать.

И шлёпает мне в паспорт печать.

Захожу в дьюти-фри, беру текилу, коньяк, забрасываю позванивающий стеклом пакет на плечо и начинаю неспешно прохаживаться вдоль дороги. В принципе, можно было бы и назад. Цели поездки достигнуты. Но ради приличия сто-

ит побыть за границей хотя бы минут сорок. А не ломиться обратно, на Родину, как лось. Тепло, птички поют. И этот неповторимый запах Европы.

За моими метаниями наблюдает прибалтийский таможенник, который двадцать минут назад впустил меня в страну. Некоторое время он тоскливо провожает меня взглядом, а потом не выдерживает и машет рукой.

– Ну чег-го ты муч-чаешься? Иди уже обратно.

Вернулся на Родину. Ностальгия замучить не успела.

О бедном медпреде замолвите слово...

Опасная работа

Медпред – работа нервная. В день приходится общаться с огромным количеством людей. Не все из этих людей тебе рады, а многие так и вообще не рады. И те, кто не рад, – это чаще всего пациенты.

В самом начале представительской карьеры досталась мне поликлиника в пролетарском районе. Почти весь район ещё в советское время застроили хрущёвками и поселили туда рабочих с ближайшего завода. В конце 2000-х там жили уже их дети и внуки, но атмосфера оставалась своеобразная.

Начальство вызывает меня к себе и распоряжается:

– Павел Владимирович, мы доверяем вам третью поликлинику. У вас отличные показатели, значит, и этот район вы поднимете без труда.

И тут я слегка приуныл. Что такое третья поликлиника, я знал. И почему девчонки-представительницы хором отказываются туда ехать, тоже знал. До сих пор по компании ходила байка, как одной невезучей девушке прямо во время визитов со служебной машины колёса сняли. Работать с этой

поликлиникой было бесполезно. Пациенты, посещавшие её, покупали исключительно самые дешёвые препараты, а то и вовсе не покупали, а лечились народными средствами. А наши препараты были в списке отнюдь не самых дешёвых. Значит, яма в выполнении плана, прощай, квартальная премия, и совесть будет мучить.

Ну, раз начальство распорядилось – надо делать.

В первый раз еду в поликлинику с усилением – региональным менеджером Валиком. Валик нервничает не меньше моего. Входим в коридор. А там с самого утра – толпа. Просачиваемся к терапевту, прорываемся к урологу, разбавляем очередь беременных к гинекологу. Остаётся травматолог. И тут мы попали.

В кабинет мы вошли без труда. Смотрим: сидит очень пожилой седовласый доктор и лечит чуть ли не конвейерным способом.

– О, коллеги! – обрадовался травматолог. – Присаживайтесь на кушетку. Сейчас я пациента отпущу и поговорим.

А за дверью – толпа. Значит, на разговоры не больше трёх минут. Иначе будет скандал. Доктор отпускает пациента, кивает, мол, садитесь поближе. Достаю листовки, образцы, начинаю быстро рассказывать.

И, на свою беду, мы доктору понравились. То ли пациенты его довели, и захотелось переключиться, то ли давно с молодёжью не разговаривал. Короче, он всю нашу информацию мимо ушей пропускает и давай нам про свою практику исто-

рии рассказывать. А толпа за дверью волнуется. Пять минут проходит, десять. Пытаюсь встрять в монолог травматолога, «спасибо, доктор, мы пошли», но он чуть ли не силком усаживает нас обратно.

Пациенты заглядывают в кабинет.

– Э-э, вы тут скоро?

А доктор на них грозно так:

– Не мешайте мне с коллегами разговаривать!

И выставляет их обратно в коридор.

Короче, когда мы наконец-то вырвались, нас снаружи уже ждали. Такая типичная гоп-компания. Причём заранее в повязках и гипсах.

– Э-э, а ну идите сюда! Вы чего так долго?

Валик хватает меня за рукав.

– Пошли быстрее!

– Э-э, стопэ! А ну сюда, – ревут вслед пациенты.

Чуть ли не бегом мчимся по коридору. И тут краем глаза замечаю, что в нас что-то летит. Дёргаюсь в сторону, и ко-стыль, который прицельно метнул гражданин с гипсом на но-ге, стрижёт Валика по уху и врезаётся в стену. А ведь на сан-тиметр правее, и пришлось бы к травматологу возвращаться.

Больше в эту поликлинику Валик не ходил.

Враг медицины

Где-то с середины 2000-х Минздрав решил разобраться с

таким безобразием, как медпреды, и издал негласный указ. Почему негласный? Потому что официальный указ, напечатанный на бумаге, являлся нарушением антимонопольного законодательства и ещё кучи всяких законов, в которых я не разбираюсь. А тут собрал министр всех главных врачей областей в своём кабинете, погрозил пальцем, мол, чтоб в поликлиниках медпредов больше не видели. Можно только сотрудникам национальных компаний. А иностранцы, гады, родину продают.

Главные врачи, по старинной белорусской традиции, хором кивнули.

– Будет сделано!

И пошли пальцем районным главврачам грозить.

Для медпредов началась весёлая жизнь. Особо назначенные каратели из рядов старших медсестёр и начмедов дефилировали по коридорам поликлиник, вылавливая парней и девушек в деловых костюмах и пинками выгоняя их на улицу. Впрочем, в медпреды набирают людей упорных. Через пять минут, покурив на крыльце, эти деловые костюмы лезли обратно. Запуганные врачи опасались взять из рук медпреда ручку. Мол, что вы, это же взятка. На презентацию в ресторане приходили особо храбрые. Короче, наступили смутные времена.

Но работать-то надо. Планы продаж никто не отменял.

В очередной рабочий день крадусь в поликлинику. Прямо в фойе меня перехватывает грозная женщина в белом халате.

На халате бейджик – начмед такая-то.

– Куда?

Хм, может, у меня на лбу профессия написана?

– В поликлинику, к терапевту, – отвечаю. – Приболел что-то.

– Да за километр видно, что медпред. Постановление Минздрава читали?

Не читал. Потому что оно устное. Но делаю лицо кирпичом.

– Да я приболел что-то.

– И в галстук на приём припёрся?

Дресс-код, чтоб его! Вот где собака зарыта!

– Короче, иди отсюда! – машет кулаками дама в халате. – Если тебя в коридоре увижу – милицию вызову.

Выхожу на крыльцо, звоню начальнику. Так, мол, и так, начмед запрещает работать. Начальство успокаивает угрозами лишения премии. Эх, придётся идти.

Проскальзываю в кабинет к первому терапевту, душевно общаюсь со вторым. Только устраиваюсь на стуле у третьего, как дверь чуть ли не пинком распахивается! В проёме возникает объёмная фигура начмеда.

– Вот он! – откуда-то из-за спины руководства вопит вредная санитарка. – Я его сразу заметила. Шастает тут по коридорам!

– Я говорила тебе, к врачам не заходить?! – рычит начмед.

– Послушайте, у каждого своя работа, – пытаюсь оправ-

даться я.

– Это у меня работа, а у тебя – вредительство.

Дама хватает меня за воротник, рывком сдёргивает со стула. Я не ожидал такой подлости, поэтому чуть не оказался на полу.

– А ну-ка пошёл отсюда!

С позором меня изгоняют в коридор. Но и на этом проблемы не кончились. В порыве праведного гнева начмед вызывает милицейский патруль. Приходят два бравых сержанта и провожают меня вон из поликлиники. Дама кричит вслед, что я нарушил общественный порядок и требует для меня пятнадцати суток тюремного заключения.

Патрульные заводят меня за угол.

– Ну всё, иди себе.

– А как же...

– Иди, иди. Эта ненормальная нас по три раза на день вызывает. Всё медпредов гоняет. Если мы каждого будем в отделение волочь, у нас скоро там места не останется. Иди спокойнo.

Я уже повернулся, чтобы идти к машине, как патрульный окликает меня:

– погоди минутку. А подари ручку.

Ежедневник

Неизменный атрибут каждого медпреда – это его ежеднев-

ник. Кто-то исписывает его деловыми пометками, кто-то рисует солнышки и крокодилов. Не раз я говорил моим сотрудникам:

– Коллеги, ежедневник медпреда – это документ. Его должно быть не страшно потерять или показать врачу.

Но был у меня один товарищ по имени Василий. Вот, вроде бы, и толковый был сотрудник, и общий язык находил с докторами, но постоянно влипал в разные истории. И всё из-за своей несерьёзности.

Например, прямо в ежедневнике он мог написать что-то вроде: «Доктор Иванов – тупой. Третий раз рассказываю ему про преимущества препарата, а он забывает».

Или: «Терапевту Петровой стоило бы сменить духи. Или меньше их использовать».

И всё остальное в таком же духе.

По закону подлости, доктором, у которого Вася забыл ежедневник, был плечистый хирург. Вася вспомнил про книжицу минут через пять и рысцой бросился обратно. Поздно. Врач листал ежедневник и с интересом читал комментарии.

– Простите, Иван Иванович, это мой ежедневник, – пролепетал Вася.

– Я заметил, – с угрозой в голосе ответил хирург. – Очень интересное чтиво. А каким эпитетом я у вас помечен?

– Ну что вы, это же всё шутка.

– Показывайте, показывайте.

Вася потянул записи на себя, но врач чуть ли не силой вы-

рвал у медпреда ежедневник, полистал и прочитал напротив своей фамилии: «Доктор – засранец, выпрашивает ручки».

Через минуту медпред летел по коридору. Вслед ему летел ежедневник. Конкуренты радовались и потирали руки.

Выгорание

В одном из районов города несколько лет работала женщина-медпред. Было ей лет сорок, но выглядела она едва на тридцать пять. Деловой костюм, макияж. Энергичная, подвижная – смерть конкурентам. Иногда сталкиваясь с ней в аптеках, поражался отточенности фраз, умению вовремя пошутить, отсутствию стеснительности и упорству. Мечтал переманить её в свою компанию, но предложить было нечего. Зарплата ниже, машины хуже. Приходилось молча завидовать.

Потом внезапно представительница пропала почти на год. А однажды я снова встретил её в аптеке. И с трудом узнал. Оказывается, она сошла с ума, а поведенческий рефлекс остался. Ходила в рваной куртке, с причёской «дикое гнездо» по аптекам и чётко выговаривала слоганы, беседовала с провизорами о препаратах. Фармацевты её узнавали и жалели. Пациенты в очередях шарахались. Руководство компании, в которой она раньше работала, натравливало на неё то милицию, то психиатров. Там считали, что своим появлением в аптеках она портит лицо фирмы. Ну да Бог им судья.

Ещё через год состояние бывшей представительницы ухудшилось и её госпитализировали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.